

Историко-краеведческий
Альманах
Бежецкий край

5

Бежецкий уезд и Тверская губерния в Отечественной войне 1812 года

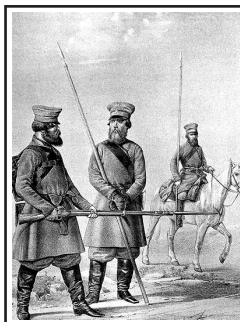
Бежецк 2012

ББК 63.3 (2Рос-4Тв)
М69

ISBN 978-5-903791-18-7
ISBN 978-5-903791-25-5 (выпуск № 5)

Историко-краеведческий альманах
«БЕЖЕЦКИЙ КРАЙ» Выпуск №5
2012. – 104 стр., 40 ил.

Учредитель и главный редактор В.В. Козырев
E-mail: bezhkray@yandex.ru

Обложка:
Егерь, пеший и конный казаки
Тверского ополчения

Раскрашенная литография П. Ферлунда
по рисунку П. Губарева.
Середина XIX века

БЛАГОДАРЕНИЕ

Выражаю свою благодарность за содействие,
всемерную помощь и финансовую поддержку издания:

Олегу Вячеславовичу Никонову,

Олегу Леонидовичу Тянигину,

Валентине Васильевне Колесниченко (г. Бежецк)

Владимиру Глебовичу Жадькову (г. Малоярославец)

Евгению Александровичу Цветикову (г. Москва)

- © Альманах «Бежецкий край», 2012
- © Издательство «Ванчакова линия», 2012
- © ОАО "Тверская областная типография" 2012

От составителя

24 июня исполняется 200 лет со дня начала Отечественной войны 1812 года. 7 сентября (26 августа по ст. ст.) 1812 года состоялось Бородинское сражение, предопределившее исход войны.

Эта дата стала одним из главных поводов появления Указа Президента Российской Федерации Д.А. Медведева от 9 января 2012 года «О проведении Года российской истории».

В нем сказано:

«В целях привлечения внимания общества к российской истории и роли России в мировом историческом процессе постановляю:

- 1. Провести в 2012 году в РФ Год российской истории...*
- 3. Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов РФ осуществлять необходимые мероприятия».*

Хотя боевые действия в 1812 году велись в основном в полосе наступления, война была для России глобальной. Не случайно, что в народном сознании нашествие Наполеона отождествлялось с приходом Антихриста.

Мобилизацией, сбором материальных ресурсов для ведения войны было охвачено большинство территорий европейской части страны, в том числе и Бежецкий уезд Тверской губернии, находившийся в водовороте военных событий.

200 лет отделяет нас от юбилейной даты огромной важности и государственной значимости — победы России в Отечественной войне 1812 года. Это еще один повод вспомнить героев той войны, предпринять необходимые усилия по увековечению этой памяти на бежецкой земле. У нас есть вполне законный повод чувствовать себя сопричастными к тому, что произошло 200 лет назад.

Отечественная война 1812 года как одна из трагических страниц российской истории и пример славного героического

прошлого страны нашла свое отражение в большом многообразии различного рода исследований и публикаций как дореволюционных авторов, так и современных. Цель данного сборника — собрать все доступные материалы и публикации, каким-либо образом относящиеся к Бежецкому уезду и Тверской губернии, о событиях, происходивших на нашей земле.

К сожалению, многие страницы остались не исследованы. Не удалось найти документов о Николае Константиновиче Кузьмине-Каравееве, который в 1812 году возглавил ополчение Толстиковской волости Бежецкого уезда и с ополчением участвовал в Бородинской битве и ряде других сражений. Он скончался в 1856 году в Борискове. К сожалению, его могила утеряна.

Всё дальше и дальше уходят в глубь времен грозные события, незабываемые победы и юбилейные торжества. Но ратный подвиг русского народа и российской армии в Отечественной войне 1812 года не забывается.

Узнавая о славном прошлом из исторических документов прошедших веков, современный читатель испытывает чувство гордости за подвиги героев той далекой войны и благодарности их потомкам за сохранение памяти о тех исторических событиях.

Составитель выражает свою искреннюю признательность тем людям, которые оказали помощь в работе над этим сборником:

Ивану Ивановичу Климину — за критические замечания по данному сборнику и предисловие;

Владимиру Николаевичу Сорокину — за помощь в поиске и подборе архивных сведений;

Амону Аминовичу Сулейманову — за поиск редких источников в Интернете.

Особая благодарность **Леониду Николаевичу Константинову** за предоставленные иллюстрации к данному сборнику и за то, что, работая над своей книгой «Вышневолоцкий уезд в Отечественной войне 1812 года», он делился ссылками на раритетные источники и отсеивал для меня многие материалы, относящиеся к Бежецкому уезду.

**Предисловие к сборнику
«Бежецкий уезд
и Тверская губерния
в Отечественной войне
1812 года»**

Представленный материал в данном сборнике, по моему мнению, раскрывает важную тему, связанную с Отечественной войной 1812 года. Хотя в общероссийском масштабе эта проблема хорошо изучена и на сей счет имеется обширная историография, тем не менее на региональном уровне она не нашла еще достаточного отражения, в том числе и в краеведческой литературе.

Обращение к исследованию данной темы актуально в настоящее время еще и потому, что в этом году отмечается 200-летие начала Отечественной войны 1812 года.

Особенность материала сборника состоит в том, что в нем даны отдельные тексты, пространные выдержки, цитаты из опубликованной литературы, в которой в той или иной степени затрагиваются события, связанные с Отечественной войной 1812 года, происходившие на территории Тверской губернии и Бежецкого уезда. С моей точки зрения, такой подход к составлению сборника оправдан и заслуживает положительной оценки.

Его основу составляют, с одной стороны, источники: официальные документы, воспоминания, письма воинов, ополченцев, участников Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода русской армии, с другой — исследования, опубликованные монографии, книги, статьи, причем в разные исторические эпохи — от дореволюционного периода до наших дней.

Представлен материал преимущественно в проблемно-хронологическом плане. Открывается он внезапным вторжением французских, наполеоновских войск на территорию России и реакцией на эти трагические события населения Тверской губер-

нии, а также Бежецкого уезда. Большое место в материалах отводится организации народного ополчения Тверской губернии, о проводимой работе среди местного населения, также и в деревнях Бежецкого уезда по рекрутскому набору крестьян в армию и по привлечению добровольцев в ряды ополчения. Приводится значительный материал, раскрывающий патриотический дух населения, причем всех слоев, готовых стать на защиту Отечества, царя и веры православной. Подробно анализируется сословный состав ополченцев, их вооружение, их настроения — от крепостных крестьян до высшего дворянского сословия.

Значительная часть материала посвящена роли Тверского ополчения в изгнании французских войск из России и участию бежечан и тверичей в Заграничном походе русских войск в 1813 — 1814 годах. Многие исторические факты раскрывают и неутешительное состояние социально-экономического развития Тверской губернии, падение производительных сил, разорение крестьянского хозяйства как последствие Отечественной войны. Хотя от нее в той или иной степени пострадали все российские сословия, но наибольшие жертвы понесли крестьяне. Основная тяжесть войны ложилась на них. К тому же и после ее окончания они по-прежнему оставались крепостными своих помещиков-хозяев.

Знакомство с содержанием сборника позволяет высказать и отдельные замечания частного характера. На мой взгляд, в ряде мест следовало бы указать на источники, из которых позаимствованы цитаты, статистика, приводимые в текстах. Тем более некоторые издания вызывают сомнения и нуждаются, как мне представляется, в уточнениях. Желательно было бы расширить материал, непосредственно относящийся к Бежецкому уезду.

Тем не менее, несмотря на отмеченные недостатки, материалы сборника, посвященные Отечественной войне 1812 года, дают нам представление об участии населения Тверской губернии и Бежецкого уезда в освобождении своего Отечества от французских захватчиков и их полном разгроме.

*Иван Иванович Климин,
доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета*

Вторжение французских войск в Россию и Манифест Александра I об организации народного ополчения

Героическая борьба русского народа с полчищами гениального полководца Франции стала уже достоянием истории. Русский народ во время этой борьбы развернул во всю ширь свои могучие силы и дал решительный отпор армии, которой подчинился почти весь мир.

9 (21) июня император Франции Наполеон I приказал своей Великой армии выдвинуться к пограничному Неману и приступить к переправе. В воззвании к солдатам он писал: «Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться... Перейдем Неман, внесем войну в русские пределы».

10 (22) июня посол Франции генерал Ж.-А.-Б. Лористон вручил в Петербурге управляющему Министерством иностранных дел А. Н. Салтыкову ноту, в которой говорилось, что Наполеон «считает себя в состоянии войны с Россией».

12 (24) июня французская армия переправилась через Неман и вторглась в пределы Российской империи.

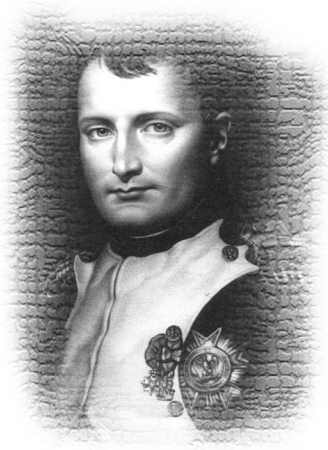
Формально, до отбытия 18 июля 1812 года из действующей армии, вся полнота военной власти принадлежала Александру I, который не видел среди русских генералов способного противостоять Наполеону. Нерешительность русского императора в назначении главнокомандующего, в определении стратегии и тактики войны поставили русские войска в тяжелое положение. Инициативу сопротивления нашествию принял на себя военный министр, командующий наиболее крупной 1-й Западной армией М.Б. Барклай де Толли.

Имея значительное численное превосходство, Наполеон рассчитывал окружить и одним мощным ударом уничтожить русские

*Император
Александр I*

Наполеон Бонапарт

войска сразу же в пограничном генеральном сражении.

Но разьединенные русские армии под угрозой столкновения с главными силами противника отступили в глубь страны. Генеральное сражение было равносильно гибели, и командование решило действовать по отступательному плану генерала Барклая де Толли — дать на берегах Волги «вторую Полтаву», удалив французов от баз жизнеобеспечения.

*Генерал-фельдмаршал
М.Б. Барклай де Толли*

1-я Западная армия насчитывала 120210 человек и 580 орудий. Она дислоцировалась в районе Вильно и прикрывала Петербургское направление. Командовал ею военный министр генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли. Исполняя свой замысел, Наполеон стремился как можно быстрее уничтожить главные военные силы противника. Основную группировку в 220000 человек Наполеон сам повел против Барклая. Две другие общей численностью в 135000 бойцов имели задачей преследовать расположенную

южнее армию П.И. Багратиона и не дать ей соединиться с главными силами. В создавшейся ситуации М.Б. Барклай де Толли принял непопулярное, но единственно верное решение: отступать в глубь страны, изматывая французов непрерывными арьергардными боями.

2-я Западная армия (49423 человека и 180 орудий) располагалась возле Белостока и прикрывала направление на Москву. Ею командовал генерал от инфантерии князь П.И. Багратион. Уже в самом начале Отечественной войны Багратион оказался в сложнейшей ситуации. Две армии Наполеона, вдвое превосходившие по численности 2-ю русскую армию, зажимали ее в клещи с севера и юга. Войску Багратиона грозила верная гибель. Изнемогая от усталости, русские войска делали переходы до 70 км в сутки. Такого темпа не выдержал преследовавший русских «король Ерема» (так иронично прозвали русские офицеры вестфальского короля, родного брата Наполеона Жерома Бонапарта). Багратион перехитрил «Ерему» и в последний момент ускользнул от него.

*Князь Петр Иванович
Багратион*

*Генерал от кавалерии
А.П. Тормасов*

3-я Западная армия (44180 человек и 168 орудий) под командованием генерала от кавалерии А.П. Тормасова располагалась у Луцка и прикрывала Киевское направление. Вверенная ему армия прикрывала южный фланг русских войск. Задачей 3-й армии было сковать противника, лишить его возможности широкого маневра и прикрыть Киев. А.П. Тормасов с честью исполнил поручение, не дав «разгуляться» действовавшим против него союзникам Наполеона — австрийцам.

13 июня. Рескрипт Александра I председателю Государственного совета и Комитета министров фельдмаршалу Н.И. Салтыкову о вторжении армии Наполеона и начале военных действий гласил: «...Все старания мои безуспешны. Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа».

Царь в Полоцке оставил армию и в июле оттуда уехал в Москву, чтобы «молить» о помощи дворянство и купечество. В начале войны с французами российский самодержец вел себя отнюдь не героически. Как верно подметил А. С. Пушкин, он «в двенадцатом году дрожал». Действительно, царь Александр Павлович оказался в критической ситуации: никогда еще со времен нашествия Батыя и Смуты начала XVII века в Россию не вторгалась столь многочисленная неприятельская армия. Предстояло не только выстоять под натиском «двунадесяти языков», но и изгнать их за пределы Отечества, а для этого требовалось поднять на борьбу русский народ. В своих подданных царь не очень верил, людские ресурсы для рекрутских наборов были почти исчерпаны в предыдущих войнах. Союзники, за чьи интересы тысячами гибли на полях Европы русские солдаты и офицеры, включая и гвардию, снова предали российского императора и обратили против него свое оружие. Россия теперь осталась одна против всей Европы. Имея печальный опыт поражений, Александр I в военном гении Наполеона и силе его армии не сомневался. Сдав практически полностью бразды правления государством преданному графу А.А. Аракчееву, в Москве государь решил попытаться заручиться поддержкой дворянства. Его беспокоили слухи, что среди подданных растет недовольство царствующей фамилией. Ведь соплеменники российской императрицы баденцы сейчас воевали в рядах французской армии, а ее родной брат, великий герцог Баденский Карл, женат на приемной дочери Наполеона – великой княгине Стефании. Таким образом, выходило, что русская царица – родня «антихриста Буанапарте», которого уже во второй раз во всех православных церквях предавали анафеме.

Витебск – город знаковый в истории Отечественной войны 1812 года. Здесь 13, 14, 15 июля русская армия, отступая, вела жестокие бои с превосходящими силами противника. 13 июля 4-й пехотный корпус (9000 человек) графа Остермана-Толстого

под Островно героически выстоял под натиском 20000 французов. Когда командиру корпуса доложили, что полки левого фланга несут большие потери, на вопрос «что делать?» граф ответил: «Ничего не делать — стоять и умирать!»

15 июля русская армия стойко защищала город в районе деревень Телятники и Добрейка. Все атаки французов были отбиты, но силы были неравными, и поэтому 1-я армия вынуждена была отступить. 16 июля император Франции Наполеон торжественно вступает со своей армией в Витебск. Наш современник И. Литвин в книге «Затерянный мир, или Малоизвестные страницы белорусской истории» пишет:

«В Наполеоне поляки увидели личность, способную вернуть им свободу и отомстить за кровавый суворовский потоп... В армии Наполеона насчитывалось до 125000 польских и 25000 белорусских добровольцев... В Вильно горожане встречали Наполеона цветами. Прибыв в Витебск, он снял ишагу, и сообщил, что кампания 1812 года закончена. Возможно, что карта Европы выглядела бы совсем по-другому, если бы он сдержал свое слово. 1 июля 1812 г. было объявлено о воссоздании Великого княжества Литовского. Конечно, это требовало времени, и в 1812 году продолжение походов было невозможным. Но тут возникли разногласия с поляками, горевшими желанием отомстить России... Поляки составляли костяк армии, и Наполеон прислушался к ним, а не к белорусам».

Автор, недоброжелательно настроенный к России, пытается выдать настроения пропольско настроенной шляхты за желание всего белорусского народа. Конечно, воля господина могла заставить своего крепостного раба вступить в наполеоновскую армию, но таких рекрутов нельзя назвать добровольцами. С приходом Наполеона в Витебск было учреждено французское правление. Русских помещиков заменили на польских. Новые хозяева оказались ничем не лучше, а даже хуже, чем старые. Белорусское население вскоре поняло, что императора Франции мало волнует их судьба. 3 (15) августа в Витебске Наполеон отмечает свой день рождения. Местная знать засыпала императора комплиментами.

Горожане и крестьяне к своим «освободителям» относились более враждебно. Солдаты, стоявшие на месте Великой армии, вели

**Великая княгиня
Екатерина Павловна**

**Принц Георгий
Ольденбургский**

себя нагло, начались грабежи. Крестьяне увозили хлеб, разоряли мельницы. Французам приходилось всё дальше высылать отряды для сбора провианта и фуража.

Единственным человеком из царской фамилии, поддерживавшим Александра I в эти трудные дни, была его любимая сестра великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь Павла I. Она с началом войны, среди всеобщей растерянности и подавленности, проявила большую энергию и инициативу. Имея острый ум и твердость, она ободряла царственного брата и выступала против заключения перемирия с Наполеоном. Екатерина Павловна была женой принца Георгия Петровича Ольденбургского (Петра Фридриха Георга), которого французский император лишил наследного герцогства. Георг Ольденбургский в 1809 году женился на сестре русского государя, после свадьбы был назначен генерал-губернатором Тверским, Новгородским и Ярославским и главным директором Ведомства путей сообщения. Резиденцией Ольденбургских стал город Тверь. Отсюда великая княгиня призывала брата к немедленному созданию добровольческих частей — прообраза всеобщего ополчения. А. Языков в своей книге «Батальон великой княгини Екатерины Павловны» напишет:

«27 июня, когда впервые только Император Александр писал Барклаю де Толли о намерении ко всеобщему воззванию

народа, и во всяком случае прежде манифеста о всеобщем вооружении (6 июля) и предложения Смоленского дворянства (9 июля). Итак, мы ясно видим, что не только сама мысль о народном вооружении, об ополчении, об устройстве особых батальонов или полков, насчет отдельных жертвователей, но даже формальное предложение о том заявлено было прежде всех, Ея Императорским Высочеством Великой Княгиней Екатериной Павловной и предшествовало всем в подобном роде предложениям».

Екатерина Павловна, которую при дворе называли не иначе как «смесь Петра Великого с Екатериной II и Александром I», предложила разумную мысль российскому императору на основании опыта «земской рати» 1807 года. Дворянство каждой губернии должно выставить за свой счет «полки» по тысяче ратников из крепостных крестьян, хорошо вооруженные и снабженные всем необходимым. Сперва это предложение она хотела довести до государя при помощи графа Ф.В. Ростопчина, губернатора Москвы.

«Графу стоит только явиться в дворянское собрание или в какой-нибудь частный съезд, — писала она князю Оболенскому, — стоит только выяснить, какая опасность грозит отечеству и в какой степени настоящая война есть война народная, чтобы воодушевить Московское дворянство. А из Москвы, где так много дворян из всех губерний, это патриотическое воодушевление охватит и всю Россию. Скажите графу, что вы точно так, как и я, вполне уверены, что не найдется ни одного русского человека, которому не было бы позорно принести всей своей энергии, всего себя в жертву отечеству; что вы, как дворянин, считаете возможным для каждой губернии выставить по одному полку в тысячу человек с обязательством — продовольствовать пищу и содержанием эту военную силу в

**Граф Федор Васильевич
Ростопчин**

продолжение всей войны, а война тем скорее кончится, чем с большей энергией поведут ее».

Но, обязанный ей повышением по карьерной лестнице, Ростопчин эту идею не поддержал, т.к. был сторонником «всеобщего ополчения» — гораздо более многочисленного, но хуже обеспеченного.

Несмотря на холодный отзыв московского губернатора, Екатерина Павловна все равно представила Александру I устный проект в виде частной инициативы, что и было с «живейшей признательностью» принято последним 3 июля 1812 года. Великая княгиня, имея во владении огромный удел в 12 губерниях с населением 70000 крестьян, предложила собрать ратников по обычной рекрутской норме — одного человека со ста душ мужского пола. Она принимала на свой счет их содержание на службе. Ратнику гарантировалось по окончании войны возвращение домой, зачет за рекрутскую очередь, полное освобождение от всех казенных повинностей и оброка.

Вот что она писала 7 июня, то есть ровно за месяц до Высочайшего манифеста о всеобщем ополчении тому же князю Оболенскому:

«Вчера вечером получила я от Государя милостивое утверждение; дар мой официально принят и уже не составляет тайны... Осушается, наконец, великий проект, несмотря на несогласие графа... Я счастлива тем, что доброе дело исполняется, а через кого — не все ли это равно... Только вчера узнала я радостную новость».

Идея Екатерины Павловны воплотилась в Высочайшем манифесте от 6 июля 1812 года, где Александр I предписывал дворянам формировать ополчение из своих крепостных, самим вступать в него и выбирать командующего. 12 июля император прибыл в Москву. Результат превзошел все ожидания. Московское общество с редким единодушием поддержало царя и правительство. Патриотический подъем был настолько велик, что правительство опасалось, что народное движение может принять нежелательные формы. С.Н. Глинка, участник собрания московского купечества и дворянства, по случаю приезда в Москву государя вспоминал:

«Жалостью сердечной закипели души русского купечества. Казалось, в каждом гражданине воскрес дух Минина. Гремел общий голос: «Государь! Возьми все — и имущество, и жизнь нашу!»

Среднее сословие, к которому принадлежали купцы и мещане, жило своей отдельной жизнью и мало имело общего с высшим интеллигентным классом дворян. Они не пускались в толки и обсуждения политических дел. А на самые благородные порывы великой княгини и правительства смотрели с более практической точки зрения: как это отразится на их торговле и семействах. Они прибегали к усиленной молитве перед Богом и в это страшное время неоднократно просили епархиальное начальство и гражданских губернаторов и городские думы об отправлении особых молебствий и организации крестных ходов для умилоствления Всевышнего.

Так, во всех церквях Бежецка и уезда, не исключая даже самых отдаленных местностей, куда из-за дурной дороги известия доходили с трудом, по приказу Правительствующего Сената и Святейшего Синода был обнародован Высочайший Манифест о всеобщем ополчении от 6 июля 1812 года. Чтение его сопровождалось молебнами о победе над врагом с коленопреклонением после каждой литургии. Вместе с Манифестом звучало и воззвание Синода, призывавшее все сословия именем Господа на защиту Церкви. Далее следовало обращение к «мужам именитым», обладающим властью, показать пример прочим, а также к служителям церкви о молитве и благословении вступить в ополчение тем из них, которые, «еще не определившись к служению», пожелают это.

Но текст Манифеста был общим, почти не дающим указания о способах организации, и это вызвало много различных толков. В соответствии с подобным Манифестом о составлении временных ополчений и милиции от 30 ноября 1806 года собрали в 31 губернии Российской империи 200000 человек. В 1807 году после Тильзитского мира 177000 крепостных — «без разбору» набранных милиционеров не «возвратятся в свои дома и семейства, собственным их мужеством защищенные, где вкусят плоды мира». Они будут переведены в состав рекрут и будут принуждены продолжать службу в армии и флоте. Это было выгодно прежде всего дворянам, таким образом избавляющимся от крепостных негодных работников. Обман царя оставил тяжелый осадок недоверия в народной памяти. И в 1812 году Александр I главную роль «спасителей Отечества» отводил тоже дворянству. Не будем забывать, что даже патриотически настроенные из них оставались

помещиками, владеющими крепостными. Принадлежащие им крестьяне для многих составляли единственный капитал. Материальный достаток был разным, в зависимости от состояния имения, должности на государственной или военной службе. Были и такие владельцы, чей достаток приближался к крестьянскому.

Император Александр I ждал от губерний жертв личных и имущественных, поэтому бежецким дворянам предстояла двоякая задача: они должны были и лично вступать в ополчение, а также пожертвовать своими крестьянами, т.е. собственным капиталом. К 1812 году бедные помещики совершенно были разорены рекрутскими наборами. Причиной тому стали непрерывные войны, зачастую по две и три, которые вела Россия на различных театрах. Они требовали от русской провинции небывалого количества будущих солдат и матросов. Так, с 1805 по 1815 гг., т.е. за десять лет на Российскую империю (если сложить вместе годы войн), пришлось 21 год военных испытаний. Ее противниками были: Франция, Персия, Турция, Швеция, Англия, кавказские горцы и киргизские орды. Многие ветераны суворовских походов, составлявшие костяк полков, сложили свои головы на полях сражений

Нашествие. Июль 1812 г.

еще до Отечественной войны 1812 года. Потери возмещались рекрутскими наборами. Так, лишь по Бежецкому уезду (не считая ополченского набора) было взято с 500 душ:

- в 1802 году по два рекрута;
- в 1803 году по два рекрута;
- в 1804 году по одному рекруту;
- в 1808-1809 гг. было два набора по три рекрута;
- в 1810 году по три рекрута;
- в 1811 году по четыре рекрута;
- в 1812 году было три набора;
- в 1813 году было два набора;
- в 1813 году было два набора.

Как отмечали современники, эти наборы совершенно обескровили сельское и городское население Бежецкого уезда, образованного в 1775 году в составе Тверского наместничества, с центром Бежецк. Он считался в то время одним из самых населенных в Тверской губернии, несмотря на то, что исторические земли Бежецкого Верха с населением 71795 душ мужского пола во время екатерининской перестройки России были значительно урезаны. Императрица считала, что живых душ в уезде должно быть не более 30000. Земли ранее Бежецкого Верха вошли в состав других уездов, а также соседних с Тверским наместничеством. Значительная часть бежецкой территории потребовалась для вновь образованных городов Весьегонск и Красный Холм. В 1796 году Красный Холм переведен из уездного города в заштатный и приписан к Бежецкому уезду, что увеличило его население вдвое. В первой четверти XIX века в уезде числилось 452 дворянина-землевладельца, 99 из них — представители старинных фамилий. Количество крестьян, принадлежавших помещикам, определялось в 32526 душ мужского пола.

Если помещики России были обеспокоены расходами и убытками в предстоящей войне, то Александр I и правительство опасались бунта крепостных крестьян и «новой пугачевщины», ибо нашествие французов они могли воспринять как надежду освобождения от рабского ярма. Меры предосторожности российский государь предпринял еще до начала войны и назначил для подавления возможных крестьянских волнений в каждой губернии по полубатальону в 300 солдат. В письме к сестре, великой княгине

Екатерине Павловне, в Тверь император сообщал:

«Предположите, что начнется серьезный бунт и что 300 человек будет недостаточно (для усмирения), тогда тотчас же могут быть употреблены в дело полубатальоны соседних губерний, а так как, например Тверская губерния окружена шестью другими, то это составит уже 2100 человек».

Прославленный в будущих сражениях 1812-1813 гг. Егерский батальон великой княгини Екатерины Павловны собирался первоначально по Высочайшему повелению от 3 июля 1812 г. как особый батальон для защиты не только Отечества, но и имений тверских помещиков.

18 июля 1812 г. в Твери и уездах губернии на «Собрании благородных дворян» зачитали новый Манифест императора Александра I о разделении 16 губерний центральной части России на ополченские округа и ускорении формирований казачьих полков. Того же числа генерал-губернатор принц Георг Ольденбургский обратился к населению с призывом защитить Отечество. Он считал своим долгом поддержать патриотическое настроение в обществе, доносил Александру I:

«Дворянство (тверское) единодушно изъявило в собрании полную готовность, в случае нужды, всем до единого принять, каждому, по силам и летам, участие в защите возлюбленного Монарха и Отечества, и жертвовать для сего всем достоянием».

Участие бежецан в народном ополчении

Разумеется, среди бежецких дворян всех рангов были бескорыстные патриоты, понимавшие, какая опасность грозит Отчизне, для других же набор в ополчение и даже добровольные пожертвования расценивались как исполнение повинности.

Война 1812 года внесла некоторые изменения в общественную жизнь и города Бежецка. Прежде всего, «по складам» с купцов и мещан собрали 30000 рублей на военные нужды — сумма для такого небольшого города по тем временам довольно большая. Немало горожан сражалось в армии против французов. Некоторые из них были посланы в нее по приговорам обществ, а некоторые пошли добровольно. Среди этих людей были и молодые люди, отцы которых являлись именитыми горожанами и сидели в городском управлении, магистрате или думе. Шли в ряды армии не только молодые бежечане. Например, купец Тыранов пошел в возрасте 44 лет, мещане Ососков и Самохвалов в возрасте 39 лет. Шли в армию и подростки, почти дети: Иван Мошнин, Семен Неворотин, Иван Бардин — в возрасте 13 лет. Таких малолетних поступило добровольцами в армию из Бежецка 16 человек. Среди добровольцев находился дьячок соборной церкви Садиков, участвовавший в Бородинском сражении и походах на Париж.

Как верно подметил один из современников,

«были люди, которые жертвовали всем, были наоборот, такие, которые пользовались моментом для удовлетворения своих личных выгод».

В Твери представители уездного дворянства определяли уравнительный размер пожертвований людьми и «добровольный взнос», он становился обязательной нормой для всех помещиков. Государственные крестьяне к ополчению не привлекались, и эта обязанность ложилась только на помещичьих селян и тем резче подчеркивала их бесправие. Крепостные ратники могли вступать в

ополчение только от лица своего хозяина, т.е. как его пожертвование. Добровольцев не было, ибо без санкции помещика таковые по закону считались беглыми.

Среди духовенства и купечества наблюдались в те дни такие же настроения. Купцы тратили слов меньше, а денег давали больше, чем благородные господа, но и среди них встречались те, которые, делая огромные пожертвования в пользу Отечества, вскоре их возвращали, втридорога сбывая свои товары. В качестве примера можно привести интересное свидетельство очевидца А. Бестужева-Рюмина, бежецкого дворянина:

«До воззвания к первопрестольной столице — Москве государем императором, в лавках купеческих сабля и шпага продавались по 6 рублей и дешевле; пара пистолетов тульского мастерства 8 и 7 рублей; ружье и карабин того же мастерства 11, 12 и 15 рублей, дорожке не продавали; но когда прочтено было воззвание императора и учреждено ополчение противу врага, то та же самая сабля или шпага стоила уже 30 и 40 рублей; пара пистолетов 35 и даже 50 рублей; ружье, карабин не продавали ниже 80 рублей и проч. Купцы видели, что с голыми руками отразить неприятеля нельзя и без со-вестно воспользовались этим случаем для своего обогащения. Мастеровые, как-то: портные, сапожники и другие утроили или учетверили цену своей работы, — словом, все необходимое, нужное, даже съестные припасы, высоко вздорожали».

На призыв Святейшего Синода к «пастырям и служителям алтаря»: «Всех научайте словом и делом, не дорожить никакою собственностью, кроме Веры и Отечества» — откликнулось бежецкое духовенство. Так, внесли пожертвования благочинный Бежецкого уезда села Кушалина священник Григорий Стефанов: от священнослужителей 83 рубля, от прихожан села Славнова четыре рубля 32 копейки и от церковей 585 рублей. Архимандрит Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Сергей внес от себя 100 рублей. От братии поступило 70 рублей и от монастыря серебра 1 фунт 17 золотников.

Однако на призыв правительства идти в народное ополчение откликнулось немного церковнослужителей. Одними из первых заявили о своем желании вступить в него пономарь погоста Мицыно Бежецкого уезда Василий Назаров, пономарь приселка Каменки Андрей Алексеев. Но в итоге первый не мог явиться по

причине перелома правой ноги, а второй отказался дать обязательство к явке «по упорству своему».

Добровольцами пойти на войну в уезде с врагом записались в основном юные учащиеся уездных и приходских духовных училищ. Около 40 человек поступило в ополчение, но гораздо больше из них привлекли в ряды Егерского батальона великой княгини Екатерины Павловны. Всего туда записалось 77 семинаристов, 26 церковнослужителей, в том числе даже один послушник. Так, из 22 добровольцев из Кашина только двум исполнилось 19 лет, остальные были 15-16-летними, одному же — только 13 лет.

Вступали добровольно в егеря великой княгини иногда, не дождавшись формального разрешения от своего духовного начальства. Например, так поступил ученик Бежецкого уездного училища Николай Воздвиженский. За храбрость в сражениях и усердие по службе его произвели в чин унтер-офицера.

Некоторые из учеников, изъявивших желание вступить в ополчение, были не приняты из-за неспособности к военной службе и возвращены в свои училища. Так, ученика бежецкого училища

Август 1812 г.

*Тверские семинаристы записываются добровольцами
в Егерский батальон великой княгини Екатерины Павловны*

Петра Метлина вернули домой «по малолетству» и также четырех учеников Краснохолмского духовного училища.

Но наряду с высокими образцами патриотизма среди духовенства встречались случаи совершенно противоположные. Известно, например, про разбирательство между духовным и воинским начальником по поводу добровольцев из Краснохолмского училища 14-летнего Ивана Мальцева и 15-летнего Ивана Сипягина. Они вначале заявили о вступлении в батальон, но затем «передумали и подали прошения от освобождения их от этого обязательства в комиссию духовного училища».

По возбужденному по этому поводу делу 19 мая 1813 г. пришла руководству училища из Академического правления бумага, в которой говорилось:

«...комиссия духовных училищ предписала Академическому Правлению, что Тверской епархии Краснохолмского приходского училища ученики 2-го класса: Иван Мальцев и Иван Сипягин в присланном в комиссию духовных училищ прошении изъяснили, что они, якобы по принуждении училищного начальства, объявили желание поступить в ополчение, и, по учинении на сие подписки, просили у начальства своего дозволения на отлучку в дом родителей своих, дабы проститься с ними; но, не получив оного, ушли из училища самовольно. По возвращении же их, смотритель училища воспретил им ходить в оное, подтвердив ученикам, дабы туда их не пускали и считали бы уволенными из училищного ведомства. Комиссия духовных училищ, рассмотрев сие прошеше, положила: что, так как означенные ученики объявили желание поступить в ополчение в такое время, когда все состояния призывались в оное, то по сему, оставя без всякого уважения нынешнее их нежелание, отправить в военное ведомство».

Еще не дошло до училища для исполнения это постановление относительно указанных учеников, как поступило особое представление ректора Краснохолмского училища. В этом представлении ректор писал:

«Краснохолмского приходского училища второго класса ученики: Иван Сипягин и Иван Мальцев... пожелавшие добровольно в ополчение в новоформированный Ее Императорского Высочества Благоверной Государыни Великой Княгини Ека-

терины Павловны батальон, с начала сего года очень редко ходили в класс, поелику уже расположились в военную службу, а ежели когда и ходили, то делали всякие неблагопристойности, а именно: сквернословились при своих товарищах, насмехались над соучениками, по природе недостатки имеющими, а цензорам, от местного начальства поставленным, делали большие грубости; потом как того класса учитель Петр Морев, узнав о таковых их поступках от цензоров и по учительской должности делал им увещания к исправлению, как по части прилежания к наукам, так в особенности к благонравию, то они ученики, Сипягин и Мальцев, начали издеваться не только над советами учительскими, но и над самим учителем, приговаривая: «что мы хуже солдат не будем». Таковы неблагопристойные, соблазнительные и для благовоспитанных детей вреднейшие поступки смотритель приходского училища неоднократно от учителя слышав и сам собственно неоднократно заметив, должен был употребить все училищные средства, по его званию смотрительскому; но наконец, не видя с их стороны исправления, принужденным он смотритель себя нашел отлучить их от класса в том намерении, чтобы детей малолетних не заразить поступками, несоответственными училищному воспитанию, а тем дать им почувствовать, что значит быть отлученным от класса; но и за сими средствами, им смотрителем принятыми, он от них кроме грубостей, неучтивства и дерзких слов не слышал».

Так вели себя эти два буйных, но, очевидно, не особенно ревностных добровольца, так как им бы уже давно следовало быть в батальоне. Заслушав это донесение, правление семинарии немедленно постановило выполнить предписание Академического правления, и эти ученики были затребованы в Тверь. Правление по доставлении препроводило в комитет военных сил; однако он отказался их принять, мотивируя свой отказ тем, что «ученики эти изъявили свое желание служить в батальоне Ее Высочества тогда, когда батальон тот находился в пределах Тверской губернии, а где теперь находится, комитет, как сношения с ним, так и вероятного сведения о месте пребывания не имеет». Получив этот отказ, правление отослало своих учеников к тверскому коменданту и командиру Тверского гарнизонного батальона полковнику На-

гишкину. Это было уже прямым нарушением прав этих учеников, пожелавших в свое время поступить только во временное ополчение на защиту отечества, но разгоряченные члены правления не заметили этого. Полковник Нагишкин тоже отказался, впрочем, их принять в свой батальон, разъяснив правлению, что эти ученики должны быть доставлены на военную службу через губернское правление. Правление послало их в губернское правление, и губернское правление уведомило начальство семинарии, что оно переслало их для освидетельствования «в Тверской департамент рекрутского приема». Что стало с указанными горемыками, так долго искупавшими вызванный ими гнев начальства, об этом документы семинарии молчали.

Все остальные ученики, пожелавшие вступить в ополчение на защиту Отечества, были приняты в Егерский батальон великой княгини Екатерины Павловны. Этот батальон, сформированный в Весьегонске в составе тысячи человек, в ноябре 1812 года выступил в поход под начальством подполковника князя А.П. Оболенского и скоро принял участие в военных действиях. Батальон действовал храбро, участвовал во многих военных операциях. Александр I засвидетельствовал его учредительнице, что он доволен храбростью, показанною батальоном в битвах, в которых он участвовал. О стойкости батальона и его самоотверженном мужестве свидетельствует также и то обстоятельство, что из 1000 человек его состава возвратилось на родину только 417 человек. Всех учеников духовных училищ насчитывалось в составе батальона 82 человека. Эти воины с неменьшею, чем другие, храбростью действовали на полях сражений, и 14 из них погибло в боях, в том числе Александр Покровский 18 лет из Бежецкого приходского училища, Михаил Малиновский 18 лет из Краснохолмского уездного училища, Филипп Введенский 16 лет из Краснохолмского приходского училища.

Организация Тверского ополчения

20 июля генерал-губернатор Тверской, Новгородский, Ярославский принц Г. Ольденбургский предписывал гражданскому губернатору Л.С. Кологривову создать Комитет Тверской военной силы, куда вошли избранный тверским дворянством командующим генерал-лейтенант Тыртов, тверской губернский предводитель дворянства действительный статский советник Шишкин, управляющий канцелярией генерал-губернатора статский советник Гинц, тверской городской голова, а также уездные предводители дворянства, которые присутствовали в Комитете по случаю нахождения их в Твери. Уже на следующий день проходило первое заседание созданного Комитета, на котором они рассмотрели план организации ополчения. По единогласному решению тверское дворянство постановило:

«...собрать во всех помещичьих имениях с каждых 500 душ мужского пола, в число которых одного конного, что должно составить 12366 пеших и 665 конных ратников. Из которых сформировать шесть казачьих полков: пять пеших и один конный. Конный казачий полк делился на сотни: в коих числились сотенный начальник, два обер-офицера, 12 урядников, 120 казаков и один писарь».

В состав каждого пешего казачьего полка входило четыре батальона, состоящие из четырех сотен. В каждой сотне полагались сотенный начальник, два обер-офицера, 11 урядников и один писарь. Полки, батальонные сотни назывались по номерам.

Полковые начальники назначались из генерал-майоров, полковников и подполковников (кандидатуры лично утверждались Александром I). Батальонные командиры — генералом, командующим ополчением, а сотенные начальники и все обер-офицеры — полковыми командирами.

Штаб- и обер-офицерам Тверского ополчения положены мундиры общеармейские, а тем, которые их имели при отставке,

предоставлено право носить. Одежда нижних чинов состояла из русского кафтана с кушаком и шаровар из серого крестьянского сукна, русской рубашки с косым воротом, платка на шее, фуражки и сапог. Кафтаны полагались такой ширины, чтобы можно было под ними надевать овчинные полушубки, которые в теплое время носились скатанными сверх ранца, подобно шинелям. Каждый казак носил на фуражке медный крест и под ним вензелевое имя государя и надпись: «За Веру и Царя». Поклада в ранцах и конных чемоданах состояла из одной рубашки, двух штанов, рукавиц, двух портянок, суконных онучей, запасной пары сапог и запаса сухарей на трое суток. Что касается вооружения, то дворянство смогло снабдить своих ополченцев только пиками. Проект положения о Тверском ополчении был 23 июля представлен на утверждение Александру I генерал-губернатором Тверской, Новгородской, Ярославской губерний принцем Г. Ольденбургским.

31 июля российский император приказывает Сенату создать особый Комитет по делам ополчений:

«Для сосредоточения и совокупного соображения всех дел, до вновь образуемого внутреннего ополчения относящихся, признав нужным учредить при лице нашем особый комитет, повелеваем присутствовать в комитете сем генералу от артиллерии графу Аракчееву, министру полиции генерал-лейтенанту Балашову и государственному секретарю вице-адмиралу Шишкову».

Император Александр I утвердил Положение о составе Тверской военной силы только 8 августа 1812 года.

На фоне патриотического рвения имущей части России, то есть дворянства и купечества, которые обещали государю «животы свои и все свое достояние на алтарь Отечества», основная часть этого достояния — крепостные крестьяне не имела даже права голоса. Они с покорным смирением, без пылких речей готовились к тяжелым испытаниям войны. В Бежецком уезде в деревнях и селах, далеких от театра военных действий, наполеоновские войны отражались только количеством рекрутских наборов. Эту повинность в России несли только два сословия: крестьяне и мещане. Дворянство и духовенство было от нее освобождено. Купцы взамен рекрутов вносили деньги по стоимости зачетной квитанции. Для великой империи сложившаяся в 1812 году обстановка требовала получения резервов, без которых регулярной армии трудно было

устоять под натиском более многочисленных наполеоновских войск. Рекрутская повинность ограничивала возможность создания массовой армии, но в то время это был единственный способ увеличения вооруженных сил.

Несмотря на провозглашенное «единение сословий вокруг престола» для отпора врага, многие дворяне продолжали считать русский народ своим имуществом, т.е. продолжали продавать как скот, секли насмерть, физически и морально калечили. Помещики, отдавая в солдаты здоровых работников, даже не пытались облегчить участь семей, оставшихся без кормильца. Государственные налоги выросли более чем в два раза, и, чтобы не разориться, владельцы крепостных ужесточали условия их труда. Рекрутские наборы и барское насилие вызывало возмущение среди крестьян. Так, в 1812 году в соседнем Вышневолоцком уезде по этой причине произошло тридцать крестьянских волнений.

«Ничего так не раздирает души, — пишет Ф. Вигель, — как зрелище обыкновенных рекрутских наборов: отовсюду слышны стон и вой. Мирные поселяне, от самого рождения привычкою прикованные к земле, не имея других желаний, кроме хорошего урожая; повышение, слава суть для них слова для них непонятные; вдруг отрывают их от всего родного, привычного; они трудолюбивые и не знают боязни, но неведомое ужасает их; все ближние их заживо хоронят».

Действительно, в русском фольклорном рекрутском обряде имелись элементы, сходные с похоронными ритуалами. Проводы рекрута носили в те времена чисто погребальный характер. Война прочно ассоциировалась в России со смертью. Даже тогда, когда правительство вынуждено было обратиться к исключительной мере — созыву ополчения из народа, рекрутские наборы продолжались. Александр I утвердил (12.09.1812 г.) новые облегченные для приема рекрут правила: допустили к приему людей, имеющих телесные пороки и недостатки, «кои не могут служить препятствием маршировать, носить амуницию, владеть и действовать ружьем». В армию стали брать тех, кого раньше браковали сразу: редковолосых, разноглазых, косых, с бельмами, заик и косноязычных, не имеющих 6 — 8 боковых зубов, «лишь бы только в целости были передние, для скусывания патронов необходимые», с недостатками пальцев на руках и ногах, «не препятствующими заряжать и действовать ружьем». Не брали лишь душевнобольных

(глупость, безумие, задумчивость) и имеющих внутренние болезни (водянка, сухотка, чахотка).

Осенью 1812 года формировался значительный резерв для русской армии. Его основу составили 181000 рекрутов 83-го набора, а также те, кто не поступил в полки из 82-го. Но окончательное формирование пополнения для задействованных в войне полков было закончено только в марте 1813 года.

В положении «О составе Тверской силы» от 8 августа 1812 года «об образе приема людей по уездным городам» сказано:

«82. Прием людей возлагается на уездных предводителей и городничих в городах, куда люди должны быть представлены из своих мест.

83. Люди принимаются, не смотря на рост, только бы они были здоровы и не калеки, не старше 50 и не моложе 17 лет; для осмотра их не раздевать».

То есть было приказано производить быстрый «благоснисходительный» прием ратников и амуниций. Было приказано исключить экономических государственных и удельных крестьян из набора в ополчение. 23 июля 1812 г. начальник 1-го округа ополчения Ф.В. Ростопчин докладывал в Особый комитет министру полиции А.Д. Балашову:

«Увольнение казенных крестьян наравне с помещичьими произвело дурное действие, кое по времени может иметь дурные следствия. Люди, определенные на защиту отечества будут все помещичьи. В них, естественно, родится зависть к казенным крестьянам и вместе с сим ненависть к господам».

В Бежецком уезде за набор ополчения и его снабжение отвечали уездный предводитель дворянства и городничий. Качественный состав ратников из крепостных во многом зависел от уездного начальства, которое иногда, чтобы отличиться за быстрое исполнение распоряжений вышестоящего руководства, «ни амуниции, ни людей не браковали, а принимали от владельцев всё, что те представляли». Понятно, что при таком отношении к делу некоторые ополченские

**Александр Дмитриевич
Балашов**

**Александр Семенович
Шишков**

батальоны были укомплектованы не годными для службы людьми. Помещики в первую очередь пытались избавиться от работников старых, болезненных, пьющих, склонных к побегам и со значительными физическими недостатками, иногда даже с уродством. Отправляя своего русского крепостного на войну спасти Россию, а заодно жизнь хозяина и его семьи, его дом и добро, сам помещик (спаситель Отечества), жертвуя свое имущество, не делал большой разницы между своим человеком и скотом. Это видно по сохранившимся документам:

«2-го сентября. Сообщение старосты помещика Весьегонского уезда, А.Н. Толубьева о пожертвовании в ополчение крестьянина деревни Ольховка Николая Григорьева.

2-го сентября. Рапорт весьегонского уездного предводителя дворянства в Комитет тверской военной силы о пожертвовании в ополчение князем Мещерским 25 негодных лошадей».

Правительство серьезно опасалось за верность крестьян в центральных и внутренних губерниях России, но именно «низы» показали самый настоящий бескорыстный патриотизм.

С.Н. Глинка писал:

«...В селах и деревнях отцы, матери и жены благословляли сынов и мужей на оборону земли Русской. Поступивших в ополчение, называли жертвенниками, т.е. ратниками, пожертвованными Отечеству не обыкновенным набором, но увлечением душевным».

Среди народа еще свежа была память об обманутых милиционерах 1807 года, не вернувшихся в свои семьи после войны, но русские крестьяне поднимались против захватчиков и были готовы умереть «за белого царя и Пресвятую Богородицу». Многие вступавшие в ополчение надеялись получить свободу от государя после победы над врагом.

В штаб-квартире графа А.А. Аракчеева находят, что «неладно людям скудоумным не знать, не отгадывать великие планы военных действий». Правительственные «Известия», выходяв-

шие с начала войны через каждые 2-3 дня, после взятия врагом Смоленска вовсе не публиковались. Неприятельские войска приближались к Москве, и слухи о чрезвычайных успехах французов, а также долгое отсутствие каких бы то ни было сведений и указаний от российского правительства даже на уровне уездных администраций порождали тревогу. Иерей Петр Томаницкий, рукоположенный священником во Входа-Иерусалимскую церковь близ Углича в 1812 году, совершая литургию, был так испуган ложной вестью о приближении к французов, что с ним случились припадки падучей болезни. Отец Петр после болезни стал нести ради Христа подвиг юродства, а затем и блаженного старчества.

Жители Тверской губернии имели серьезные опасения, что приближаясь к Москве, Наполеон непременно прикажет захватить резиденцию губернаторства в городе Твери. За несколько дней до формирования ополчения сюда из Дриссы пришло Высочайшее повеление приготовить в губернской столице и Ржеве для армии: муки 58000, овса 75500 и круп 5480 четвертей. Губернское начальство, собрав большие запасы провианта и фуража, извещенное об отступлении русской армии к Смоленску, тоже посчитало возможным вторжение неприятеля на тверскую землю. Не имея возможности быстро вывезти запасы, был отдан приказ, чтобы скирды хлеба, находившиеся на Гжатской дороге, обложить порохом и другими горючими веществами и при появлении французов все сжечь. 24 июля генерал-губернатор принц Г. Ольденбургский, опасаясь за судьбу супруги и будущего ребенка, отвез великую княгиню Екатерину Павловну в Ярославль. Один из современников так описывал эти события:

«24-го июля с полдень часу в 7-ом Ее Императорское Высочество Екатерина Павловна и с супругом изволили отсюда выехать в Ярославль с колокольным звоном. По случившимся здесь таковым причинам народ пришел в немалое смущение о быстроте неприятеля и начал мало-помалу выезжать. С начала августа начали отправляться отсюда большей частью дворянские экипажи; водой больше на полубарках и больших лодках за недостатком в Волге воды, также купечские и обывательские».

Тверь стала городом прифронтовым. Со всех уездов в нее прибывали для формирования казачьих полков выбранные крестьяне. Сюда же направлялись добровольцы в Егерский батальон Екатерины Павловны, а также солдаты гарнизонных команд и рекруты для пополнения отряда А.С. Жемчужникова.

26 июля под Вязьму, навстречу врагу, первыми выступили ополченцы Бельского и Сычевского уездов, а в Белом создано «внутреннее охранное войско», состоявшее из 600 конников. Тверской гражданский губернатор Л.С. Кологривов специально пояснял, что вооруженные обыватели, «само по себе разумеется, защищают только себя от нападений, возвращают из домов их похищенное и преграждают пути к их разорению». «Охранными» сычевские кордоны были в обоих значениях этого слова, т.к. охраняли губернию не только от неприятеля, но также от мародеров, изменников и лиц, распространявших «вредные» слухи. С началом отступления неприятеля эти кордоны были направлены к Смоленскому тракту, где приняли участие в боевых действиях вместе с казаками М.Г. Чернозубова.

В те тревожные дни стал известен подвиг смоленского крестьянина Семена Силаева. Под страхом смерти французы пытались заставить его провести их трехтысячный отряд к городу Белому. Но новый Сусанин даже под дулами вражеских ружей твердил, что дорога туда непроходима и солдаты погибнут в болотах. Силаев знал, что к городу легко пройти и регулярных русских войск там нет. В конце концов французы поверили ему и ушли в другую сторону. Этот подвиг простого русского крестьянина сегодня, к сожалению, забыт.

В исследовании А.К. Кабанова «Ополчения 1812 года» сказано:

«Все общественные классы были вынуждены идти на войну — крестьяне помещичьи, как подданные своих хозяев, крестьяне государственные в силу того, что на них всю тяжестью ложились рекрутские наборы, чиновники и дворяне по выбору и назначению».

В Бежецком уезде набирали в ополчение не только ратников, но и офицеров. Порядок набора был следующим: на дворянском собрании принимали общее положение — дворянин не может отказываться от службы. Затем уездный предводитель составлял списки «дворянам, прибывающим в поместьях своих и находящимся при должностях по выборам». В этих списках указывался возраст дворянина, состояние здоровья и желание или нежелание служить. В дальнейшем командир ополчения по этим документам выбирал будущих офицеров и назначал на определенные должности.

Начальником Тверской военной силы был избран большинством баллов новоторжский помещик Я.И. Тыртов. 31 июля его

кандидатуру одобрил Александр I. Дежурным генералом утвержден вышневолоцкий помещик генерал-майор Ф.Д. Синицын, командирами казачьих полков назначены: 1-го — кашинский помещик М.А. Баклановский, 2-го — вышневолоцкий В.И. Загряжский, 3-го — ржевский полковник Д.Л. Долгополов, 4-го — новоторжский действительный статский советник А.М. Полторацкий, 5-го — кашинский статский советник А.А. Шаховской и конного полка — оstashковский помещик Н.М. Балтин.

Полки формируются в Твери, но полковые командиры рапортовали своему начальнику, что многие офицеры не явились к месту сбора. На 9 августа из уездов в ополчение поступили 634 дворянина, в том числе от Тверского — 34, от Новоторжского — 35, от Вышневолоцкого — 105, от Осташковского — 56, от Ржевского — 58, от Зубцовского — 54, от Бежецкого — 57, от Корчевского — 57, от Калязинского — 36, от Кашинского — 61, от Старицкого — 54.

Судя по документам, при формировании полков придерживались уездно-территориального принципа. Так, в 1-й пеший казачий полк Тверского ополчения набирали крестьян из Бежецкого, Кашинского, Кимрского и Калязинского уездов. Командиром полка назначили бывшего предводителя тверского губернского дворянства отставного генерал-майора Михаила Алексеевича Баклановского. Он родился 30 октября 1760 года, в военную службу был записан в 1772 году рядовым в лейб-гвардии Измайловский полк, явившись 1 января 1778 года в строй, был произведен в прапорщики. 1 января 1779 года, с производством в капитаны, Баклановского перевели в Нашебургский пехотный полк, а с 10 декабря 1787 года он служил в Tobольском пехотном полку. В 1779-1781 гг. Баклановский сражался в Польше против конфедератов, в 1783 году участвовал в Крымском походе и подавлении восстания татар. В 1789-1790-х гг. находился в походе против шведов в Финляндии и за отличие был произведен в премьер-майоры, а в 1794 году сражался против повстанцев Костюшко в Польше. В 1797 году получил чин подполковника. 1 июля 1798 года был назначен командиром Tobольского мушкетерского полка и 27 октября этого же года произведен в полковники. В 1799 году Баклановский вместе с Tobольским полком участвовал в десантной высадке в Голландии. 7 февраля 1800 года Михаил Алексеевич был произведен в генерал-майоры и назначен шефом Украинского мушкетерского полка, и на этой должности находился до 16 августа 1804 года, после чего

был уволен в отпуск с зачислением по армии. 6 ноября 1807 года вышел в отставку по болезни и был выбран начальником земской милиции Кашинского уезда Тверской губернии. Во время войны в Восточной Пруссии он командовал бригадой, которая находилась в Вильно. За службу был награжден орденами Св. Георгия 4 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Иоанна Иерусалимского.

Командиры требовали явиться в полки манкирующих офицеров, назначенных в ополчение, «не делая никаких отговорок по нынешнем обстоятельствам и большому недостатку в полках военной силы чиновников». И даже несмотря на эти приказы, помещики трудно поднимались с насиженных мест.

Была и другая причина нехватки офицерских кадров. С началом войны часть тверских отставных офицеров вновь поступила в действующую армию. На войну шли даже те, кто был уволен за ранениями, например бежецкий помещик отставной подполковник Михаил Алексеевич Дивов, участник двух кампаний против Наполеона. В сражении при селении Гарашин 14 декабря 1806 года ранен пулей в левую ногу выше колена с повреждением кости. В 1811 году вышел в отставку по состоянию здоровья. Вернулся в строй 22 ноября 1812 года с прежним чином в 1-й морской полк. Отличился при осаде Данцига, за что награжден орденами Св. Анны 2 ст. и 4 ст., Св. Владимира 4 ст.

Правительство было вынуждено привлечь на службу в ополчение даже чиновников и людей свободных состояний, с обязательным условием согласия их начальников, а также «допустить всех чиновников, обвиненных в маловажных преступлениях к вступлению в ополчение, хотя бы следствие над ними не окончилось, с тем лишь ограничением, если для окончания следствия не нужно на месте присутствие подсудимого». Учителей, университетских деятелей, слушателей и студентов высших учебных заведений в ополчение старались не брать.

В августе дворяне и казаки из крестьян собирались в Тверь. Рядовые ополченцы были совершенно неподготовленными к тяготам солдатской службы, т.е. физически не выдерживали резких перемен в образе жизни, заболели, умирали и даже по пути к сборному пункту делали побеги. Офицеры из помещиков, смотря на достаток, отправляясь на войну, брали с собой прислугу, а также верховых лошадей и повозки для багажа. В записках Анны Ильиничны Золотухиной (1812 г.), свидетельницы тех далеких событий, которые были напечатаны в «Русской старине» в 1889-1890-х гг., говорится:

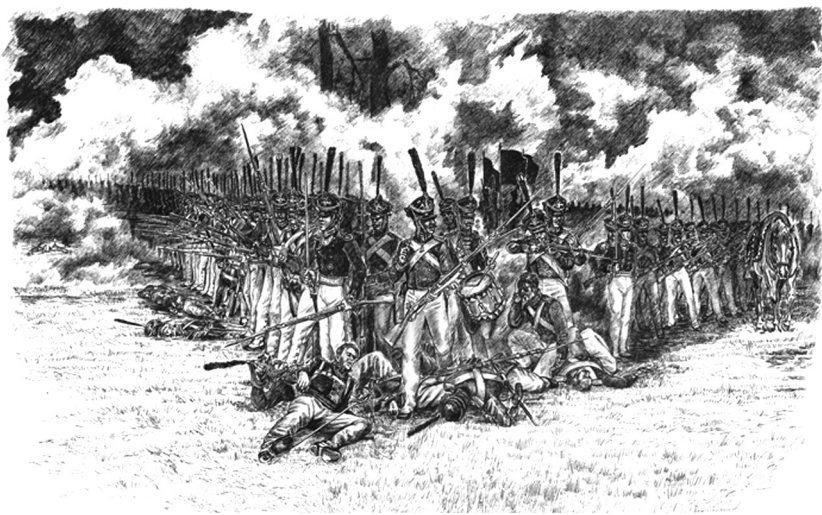
«Ополчение 1812 г. было настоящим воинством от земли, от русской крепостной земли того времени: офицеры – дворяне, кто в ополченском кафтане, кто в старом, вынутым из сундука мундире, с трудом налезавшем на раздавленную за время отставки фигуру хозяина, кто в каком-то смешанном полувоенном, полухотничьем одеянии; ратники – крепостные, далеко не всегда в предписанном ополченском снаряжении, сохранившие весь свой сермяжный и зачастую вовсе убогий вид... Этот невоенный облик крепостной русской деревни особенно явно хранили на себе отряды ополчения на первых порах после формирования, пока приходилось им стоять еще в родной губернии, квартируя то в той, то в другой усадьбе. Здесь все было по-домашнему: за офицерами при ополчении следовали их жены, приезжали гости, устраивалась партия в карты, и бивуачное времяпровождение сбивалось на какой-то необычный военный пикник».

С 1811 года инспектором в Тверской врачебной управе был назначен саксонский лекарь, а в 1812 году уже российский подданный, удостоенный дворянского звания, Карл Готлиб Шнабель (1774–1845). Родной дядя будущего великого композитора Роберта Шумана пользовался благосклонностью при дворе генерал-губернатора принца Г. Ольденбургского. Высочайшим указом Шнабелю было поручено курировать больницы, находившиеся в ведении Приказа общественного призрения, а также «пользовать больных придворного штата». С нашествием наполеоновской армии в Россию Карл Шнабель принимал участие в формировании Тверского ополчения, т.е. производил осмотр и отвечал за здоровье ополченцев, а также устраивал для них лазареты.

К сожалению, по большей части медики того времени, которых даже в действующей армии не доставало, этой рутинной работой себя не утруждали. Осмотр ратников делали бегло, формально, описывая лишь внешние приметы. Как это происходило, можно представить по сохранившейся «Таблице физического состояния ополченцев» по Нижегородской губернии за 1812 г. (Отечественная война и русское общество. Т. 5. Издание т-ва И.Д. Сытина, 1912. С. 56–57). Внешний осмотр происходил по правилам общего положения по ополчению: возраст, рост, общие условия, неправильности и болезни головы, черепа, состояние умственных способностей, волосы, глаза, слух, речь, зубы, руки (пальцы на них), ноги (пальцы на них), туловище, грудь, плечи, живот. По

записям лекарей о состоянии здоровья казака окончательное решение выносили главный врач, а также начальник ополчения. Сохранились их резолюции: «за старостью негоден» — годен, «слаб и мал» — способен, годен, «весь болезненный» — здоров, годен, «малоумен и сердца припадки» — здоров, годен, «за малоумием к службе совсем неспособен» — должно испытать, по испытании оказался годен, «глух и глуп» — не глух и не глуп, способен, «левый глаз внутри поврежден, а правый слаб, неспособен» — здоров, годен, «левая рука худо владеет, притом болен животом, притом придурковатый» — ничем не болен, годен, «возом раздавило грудь и виду слабого, неспособен» — всем здоров и грудь высокая, «от ушибу бревном поврежден в корпусе, неспособен» — по приеме бежал и пойман за семь верст, здоров, способен.

Подобный документ по Тверской губернии неизвестен, возможно, он не сохранился, но, скорее всего, мало отличался от представленного. Еще находясь на стадии формирования, Тверское ополчение стало нести первые потери: слабые и больные ратники умирали как по пути к месту сбора, так и по прибытии в Тверь. Хоронили их в братских могилах на Смоленском православном кладбище. Теперь на этом месте располагается школа №22 города Твери, здание Тверского индустриально-экономического

*Бородино. Лейб-гвардии Измайловский полк.
Под огнем*

колледжа и спортивная площадка, которая непосредственно была устроена на могилах наших далеких предков.

Враг приближался к Москве. Имея серьезные опасения, что Наполеон попытается захватить Тверь, генерал-губернатор Тверской, Новгородский, Ярославский принц Г. Ольденбургский потребовал от Комитета Тверской военной силы ускорить формирование ополчения, хотя в московском арсенале, согласно ведомости №1608 на 19 августа 1812 г., было собрано до 38207 единиц огнестрельного оружия, 23 пушки и 12 единорогов. С 19 по 31 августа уже собрали до 76000 ружей, хранилось большое количество оружия, тверские казаки были вооружены пиками. При формировании им приказали еще выдать топоры. Исключением являлись лишь ополченцы из бывших солдат (439 человек), которым в первую очередь пошили хорошее обмундирование и выдали имевшиеся в наличии ружья и тесаки.

Среди сермяжных полков «временного ополчения, рекрутских и гарнизонных батальонов, команд внутренней стражи выделялись егеря батальона Ея Императорского Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны». Прежде всего, они отличались своим блестящим внешним видом: при общепехотном зеленом мундире стрелки с необычными головными уборами — киверами, обшитыми медвежьим мехом, который у рядовых заменялся черным собачьим. Их считали личной гвардией генерал-губернатора Ольденбургского. Офицеры носили золотые эполеты (положенные в гвардии) и полусабли через плечо — на манер флотских. Некоторые исследователи считают, что эта часть военных состояла из добровольцев и казенных крестьян Тверской губернии. Это неверно. Великая княгиня предложила Александру I собрать добровольцев со своих удельных владений. Известно, что в 1810 году в качестве свадебного подарка российский император подарил сестре во владение огромный удел в 12 губерниях России с населением в 70000 крестьян. С 3 июля по Высочайшему повелению рескриптом разрешено было Екатерине Павловне собрать особый батальон со 100 душ по одному воину на защиту Отечества и имений. По документам находим, что набирали крестьян из губерний: Московской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Пензенской, Орловской и Вятской. Из Тверской губернии в батальон записались добровольцами только 77 семинаристов, т.е. учеников духовных училищ и 26 церковнослужи-

телей, в том числе даже один монастырский послушник. Они были из уездов: Тверского, Кашинского, Краснохолмского, Ржевского, Старицкого и Бежецкого. Но офицеров и егерей в этот батальон в августе 1812 года было набрано всего около 300 человек. Командиром был назначен князь Александр Петрович Оболенский, капитан лейб-гвардии Драгунского полка и адъютант принца Ольденбургского.

После занятия французами Москвы егерей Екатерины Павловны эвакуировали из Твери на доформирование в Весьегонск. Офицеры принимали личное участие в призыве добровольцев. Командир батальона князь Оболенский рассчитывал набрать из тверских патриотов резервную роту из 200 — 300 человек для восполнения боевых потерь.

К 24 августа казачьи полки Тверского ополчения были готовы к участию в боевых действиях, но оружие из арсенала ополченцы так и не получили, ибо приказ о его распределении по полкам мог отдавать только царь или главнокомандующий М.И. Кутузов. Они, к сожалению, по этому вопросу не дали никаких указаний командующему 1-м округом (в него входило и Тверское ополчение) В.Ф. Ростопчину. Граф своей волею выдал московским ополченцам 9800 английских и австрийских ружей из арсенала.

Русский главнокомандующий, скорее всего, не видел даже в вооруженных ружьями крестьянах-ополченцах большой помощи

Октябрь 1812 г. Ратники 2-го казачьего пешего полка Тверского ополчения обучаются стрельбе и строю

своим войскам. Кутузов считал сбор ополчений со всех губерний под Москвой для ее защиты бессмысленным в военном отношении. 19 августа он сообщал Александру I, что, по его мнению, ратники могли принести наибольшую пользу, если бы заменили всех солдат, находившихся вне строя, а также вступив в небольших количествах в ряды армейских полков. Михаил Илларионович готовился к генеральному сражению, и ему был дорог каждый солдат, способный держать оружие. Тверское ополчение по первоначальному плану должно было выступить 24 августа в город Клин, но по просьбе гражданского губернатора Л.С. Кологривова от 26 августа М.И. Кутузов приказал полкам вернуться в Тверь. По сохранившимся документам и воспоминаниям современников можно представить, что происходило в Твери накануне Бородинской битвы.

**Князь Голицынев-Кутузов
Михаил Илларионович**

23 августа тверской губернский предводитель дворянства С.А. Шишкин предписывает тверскому уездному предводителю вооружить крестьян в случае появления неприятеля в пределах губернии.

25 августа. В Твери «был крестный ход из собора в Желтиков монастырь. Отслужен молебен с коленопреклонением и особою молитвою о победе».

26 августа. Купец Михаил Тюльпин записывает в своем дневнике об уходе жителей из города Твери в связи с предполагаемым появлением французских войск.

29 августа главнокомандующий 1-м ополченским округом Ф.В. Ростопчин приказывает Тверскому ополчению выступить к Москве.

29 августа. Главнокомандующий русской армией М.И. Кутузов подает рапорт Александру I о победе русской армии над Наполеоном при Бородино. По бодрому тону этого донесения логично было не сомневаться, что в следующей битве Кутузов окончательно разобьет французов.

31 августа российский император награждает М.И. Кутузова чином генерал-фельдмаршала и дарит 100000 рублей. Царь пишет:

«Спешите начатое столь благоуспешно Вами дело, пользуясь приобретенным преимуществом и не давая неприятелю оправляться».

Казалось, вся Россия готовится к новому сражению под стенами Москвы. М.И. Кутузов просит подкрепления в виде ополчения, а также оружие и боеприпасы у московского губернатора Ф.В. Ростопчина. Командир 5-го казачьего полка Тверского ополчения А.А. Шаховской в своих воспоминаниях напишет:

«Перед вечером 30 августа 1812 г. полк мой первым выступил из Твери к Москве. Когда он построился четвероугольником для принесения с коленопреклонением молебствия Богу брани, хлебные амбары за гостиным двором загорелись и пожар быстро распространялся, однако, не прервал нашего священного обряда. Молебствие кончилось, соборный протоиерей окропил новых воинов святою водою. Весь полк довольно порядочно зашел по взводу, два барабанищика, взятые из пересыльных пленных немцев, ударили поход. Тут, с теплою верою, но без тщеславного воспоминания, я повторил воинский крик предка моего Мстислава Храброго: с нами Бог! Его громогласно подхватили все дружины и мы с Богом выступили из пылавшей за нами Твери, на встречу ужаснейшему пожару, очистившему и осяевшему заревом вечной славы нашу святую Русь.

Остановясь для осмотра на походе дружин, я не успел пропустить мимо себя двух батальонов, как приволжские песенники, впереди первого, с кларнетом и двумя гобоями, отданными в ополчение господскими музыкантами, грянули дружно: Вниз по матушке по Волге. Песня мигом оживила не одних холостых ребят, но и отцов семейств, с которыми они только успели слезно проститься, и недавно понурые крестьяне бодро зашагали храбрыми воинами за царя и отечество...

Остановясь на деревку в Клину, мы услышали от выехавших из Москвы, что неприятель в нее вступает. Ополченное молодецтво не хотело верить этим несбыточным, особливо после бородинского сражения, вестям и вестовички, разруганные лгунами и трусами, едва не были отпотчеваны нашими ратниками как отдатчики рекрут. Но в ночь дальнее зарево широко зарделось с прямого направления к Москве, русския вещия сердца замерли и вскоре прискакавший к нам с приказанием остановить нас, где застанет, уверил в ужасной истине. Она, как крещенский мороз, оледенила наши члены; мы, от стыда за нашу родину, не смели взглянуть друг на друга и, кажется, лучше-б желали провалиться сквозь землю, чем носить на ней позор русского имени».

Командиры губернских ополчений не знали о военном совете в Филях и словах русского главнокомандующего:

«С потерю Москвы не потеряна Россия... Приказываю отступить».

По свидетельствам очевидцев, получив донесения князя Кутузова о сдаче Москвы неприятелю, император Александр I посидел за одну ночь. Случилось страшное. Перепуганное дворянство проклинали Кутузова. Досталось и императору. Его родная сестра великая княгиня Екатерина Павловна писала ему из Ярославля:

«Взятие Москвы довело раздражение умов до крайности... Вас во всеуслышание винят в несчастье империи, в крушении всего и вся, в том, что вы уронили честь страны и свою собственную... Предоставляю вам самому судить о положении вещей в стране, где презирают вождя».

На это обидное, даже оскорбительное письмо русский царь ответил с достойными уважения спокойствием и твердостью:

«Вспомните, как часто в наших с вами беседах мы предвидели эти неудачи, допускали даже возможность потери обеих столиц, и что единственным средством против бедствий этого жестокого времени мы признали только твердость. Я далек от того, чтобы упасть духом под гнетом сыплющихся на меня ударов. Напротив, более чем когда-либо, я полон решимости упорствовать в борьбе, и к этой цели направлены все мои заботы».

Александр I прекрасно понимал: мир с французами означает безоговорочный триумф Наполеона и полную капитуляцию России. В это тяжелое время русский самодержец проявил твердую волю и решимость не идти ни на какие уступки врагу. Российский император заявлял, что готов отступить на Камчатку и стать «императором камчадалов», но мира с Наполеоном не подпишет.

Непримиримость царя оказалась неожиданной для Наполеона, который 36 дней напрасно прозябал в Москве, но так и не дождался ответа на свои предложения о мире.

При поспешном отступлении армии и эвакуации жителей Москвы стала очевидна несогласованность действий главнокомандующего русской армии и московского генерал-губернатора Ростопчина, из-за которой, даже по официальным данным, были брошены на произвол судьбы, а впоследствии погибли в огне более 20000 раненых солдат. Врагу осталось огромное количество ружей и боеприпасов в арсенале, так необходимые армии и почти

безоружным ополченским полкам. Паника охватила и ближайшие губернии. В. Колосов, преподаватель семинарии, участник тех событий, отразит это в своей работе «1812 г. в городе Твери»:

«Итак, по окончанию сего месяца как господские и обывательские и прочие с великою поспешностью, смотря друг на друга, кто водою, другие на конях за великую цену отправлялись отсюда, забрав что получше, и прочее все оставалось ненужным. И мы для себя наняли лошадей; и для нас содержались две лошади, да своих две. Сделалась здесь в городе печальная картина: оставлял отец сына, сын отца, мать дочь, дочь мать, муж жену, жена мужа, и в таком смятении и страхе распрощались друг с другом со слезами, аки в последний день. Итак, по желанию своему кто куда разъехались и друг о друге не имея сведения, так почти через месяц, а другие и более. Итак, как господские и обывательские дома многие были заперты и окна затворены во иной улице дома 3 или 4 оставалась с живущими, и то по одному или человека по 2 оставались для караула и, думаю, половина города не оставалась совсем семействами. Страх и ужас, смотря проходя по улицам: лавки иные заперты, а из прочих все убрано в сундуки, коробка, тюки и кули; малая часть оставалась в лавках, с трудом иное что купить можно. Хлеб всякий частию хоть немного, а привозили продавать, но мало кто покупал, отчего цена немало снизилась».

Не последнюю роль в тревожные настроения населения Твери и губернии внесли и духовные пастыри. Протоиерей Василий Владиславлев в «Тверских епархиальных ведомостях» в 1884 году писал:

«Близость Тверской Епархии к театру военных действий, продолжительность отступления наших армий и быстрое движение Наполеона к Москве, затем занятие самой Москвы и намерения Наполеона двинуться из Москвы к Санкт-Петербургу по дороге через Тверь — все это заставляло, особенно в августе и сентябре, трепетать всех в Твери, а многих, трусливых, приводило в совершенное отчаяние. Епархиальному начальству тем труднее было действовать, что сам владыка был в С.-Петербурге.

Духовенство, оставленное без ближайшего непосредственного руководства своего архипастыря, не могло иметь особенно сильного нравственного влияния на высшее общество, по недоступности его. Консистория сама по себе мало име-

ла силы для пробуждения приходских пастырей к поднятию духа народного и патриотических чувств в их прихожанах, — не могла быть возбудительницей молитвенного настроения в мирянах в эти тяжкие минуты испытания веры и терпения христианского. Она действовала только пассивно и только исполняла предписания владыки, жившего в 600 верстах от нее, или удовлетворяла желаниям и требованиям Тверского городского общества, прибегавшего в эти страшные времена к усиленным молитвам; она не всегда даже удовлетворяла прошениям граждан, а иногда и останавливала их.

Приходское духовенство, предоставленное самому себе, молча разделяло вместе со своими прихожанами опасения и страхи, наводимые грозным нашествием, по-видимому, непобедимого врага; а быть может и увеличивало эти опасения и страхи, каким-нибудь неосторожным словом или намеком.

Живой одушевленной проповеди нигде не слышалось, отчасти потому, что тогда вообще проповедь отличалась мертвою схоластикою, а отчасти потому, что высокопреосвященнейший Мефодий было особенно строг к проповедникам, и многим из них приходилось жутко от его рецензий. Правда в городе Твери был тогда один проповедник, слушать которого сходились все лица, принадлежащие к лучшему обществу тверскому; это именно протоиерей Тверской Мироносицкой церкви Петр Иванович Олимпиев, впоследствии архимандрит Павел... Но один в поле не воин».

Но дело не ограничилось одним бегством жителей нескольких городов. Официальный мир был также озабочен сохранением казенного и церковного имущества ввиду неприятельского нашествия. Консистория решила, если в Твери имеются святые мощи, а в монастырях и храмах находится богатая утварь, то для безопасности в случае нашествия врага просить резолюции владыки. Тот 28 августа принял следующее решение:

«...мощи, яко святыню, самим Богом хранимую, отправить в настоящем их положении, вверить упованию на того же дивного во святых своих Бога. Потом общим да будет правилом: прилежать во первых к теплой молитве; а затем соображаться мерам, предприемлемым от гражданского правительства; о дальнейших же последствиях предписуемого обстоятельства доносить мне с первою же почтою».

Консistorия обратилась к гражданскому губернатору.

5 сентября Л.С. Кологривов приказал губернскому предводителю дворянства С.А. Шишкину о необходимости отправки архивов губернских учреждений и дворянского собрания в город Бежецк.

Кологривов на обращение консистории прислал им следующее уведомление:

«Судебным местам велено быть в готовности так, чтобы по первому извещению могли они выехать, составляющее же большую тяжесть он, губернатор, решился отправить в Бежецк; каковым образом может распорядиться и консистория; о выезде же получить здесь в Твери извещение от полиции, а в городах обязаны известить городничие, в уездах же исправники».

Город Бежецк был избран губернатором для сохранения дел и бумаг тверских присутственных мест именно потому, что лежал вдали от дороги Москва — Петербург и в противоположной стороне от нашествия врагов. Бежецкий уезд находился среди лесов, и дорога от Твери через село Кушалино в осеннюю пору была почти непроходимой.

Это распоряжение велено было держать в секрете. Не дождавшись извещения от полиции, на следующий день после этого распоряжения стали поступать прошения в консисторию о выдаче видов разным лицам, отправляющимся с церковным имуществом в Бежецкий уезд, частью в Красный Холм и Теребенскую пустынь.

8 сентября поступил в консисторию рапорт из семинарского правления с просьбою: предписать настоятелю Краснохолмского монастыря принять и поместить семинарскую библиотеку.

Протоиерей Иоанн Алексеев с братиею кафедрального собора просили консисторию предписать настоятелю Теребенской пустыни принять с соборным церковным имуществом соборного ключаря Михаила Иоаннова.

16 сентября благочинный г. Твери и член консистории Николаевской церкви священник Иван Михайлов объявил в консисторию, что его церковное знатное имущество отправляется по частям в Теребенскую пустынь, Красный Холм, Бежецк, и просил людям, отправляющимся с ним, выдать виды на проезд.

Консистория выдала и также предписала благочинному, чтобы назначенное к отправке церковное имущество было вверено избранным людям. Из рапорта строителя Теребенской пустыни иеромонаха Макария видно, что в Теребенскую пустынь церковное имущество привезли 21 октября.

От четырех церквей г. Твери хранилось имущество при Богословской церкви г. Бежецка, но от каких — неизвестно.

20 сентября благочинный Иван Михайлов донес консистории, что священник церкви Вознесения Иван Варламов с дьяконом, пономарем и церковным старостою самовольно отлучились от церкви для отправки церковного имущества. Их велено было вызывать в консисторию и взять отзыв. 24 сентября поступил на них рапорт от священника, в котором он писал, что церковная утварь отвезена ими и сдана под расписку в селе Присеках Бежецкого уезда. Они объяснили, что уехали из города без спроса у начальства потому, что лошади были не нанятые, а крестьяне села Присек изъявили желание даром свести их и имущество.

Не лучше обстояли дела и с дворянскими архивами. Всё делалось в такой спешке, что были утеряны документы дворян, в том числе Греве, Корниловых, Матюшкиных, Сытиных и других.

Так, бежецкий помещик, уволенный от службы за раную, штабс-капитан Борис Алексеевич Дивов (владелец сельца Домашниха и деревни Дивовки) в январе 1824 года просил из-за утери документов в 1812 году причислить к потомственному дворянству себя и детей и законности рождения. Дивовы принадлежали к старинному дворянскому роду, который, по воспоминаниям, выехал из Франции в Россию еще в 1408 году. О его принадлежности к потомственному дворянству и законности рождения детей Александра, Николая, Екатерины, Елизаветы свидетельствовали 20.01.1824 г. в Ильинской церкви г. Торжка генерал-лейтенант Василий Панов, тайный советник Павел Гаврилович Дивов, генерал от инфантерии и кавалер Борис Борисович Лиццано, генерал-майор Иосиф Иосифович Сабир, генерал-майор Петр Андреевич Козен (командир лейб-гвардии Конной артиллерии, в которой с 1811 года служил и был тяжело ранен в Бородинском сражении картечью в левую ногу Б.А. Дивов), генерал-майор Карл Альбрехт. 11.05.1824 г. Дивов внесен в Дворянскую родословную книгу Петербургской губернии, однако окончательно он утвержден в потомственном дворянстве указом Правительствующего Сената только 19.04.1848 года.

После взятия неприятелем Москвы Тверское ополчение поступило в распоряжение генерал-адъютанта барона Фердинанда Федоровича Винцингероде. Его отряд, насчитывающий едва ли 2500 человек, оказался отрезанным от русской армии и единственным воинским подразделением, защищавшим путь в Санкт-Петербург.

940^е погребъ ноября 6го мѣ 1812го года

Дописанной вѣдомости
въ Бежецкое духовное правление

онаго же правления присутствующаго сего
Бежецкаго Благочиннаго Николаевскаго Церковнаго
Щенника Петра Гадина

Ферорта

послѣ въ Императорскаго Величества
назначеннаго изъ Бежецкаго духовнаго правления
сего ноября 1го дня по № 1025^м хранящееся при
Обедовской Церкви имущество находящееся
приношу присутствующаго для оставленія его
въ цѣлости кромѣ сего въ Бежецкомъ
и въ подтвержденіи, что они въ свои
являлись неимущество, по рѣшенію
Церковнаго духовнаго и мѣстнаго
недѣлю, о чемъ съ присутствующаго
духовнаго правленія. Слѣдъ по
тѣмъ ноября 4го дня 1812го года
Николаевскій священникъ Петръ Гадинъ

1812го года ноября
рописку Города Бежецка
Николаевскаго церкви
Лаврентію Покровскаго

1^ю Николаевскій Покровскій
2^ю Борисоглебскій Покровскій
и 4^ю Покровскій Покровскій
тѣмъ, что отправленное съ ними
казанскія Церкви церковное имущество
заслуживающаго въ Бежецкомъ
вещи и богатствъ ризницъ, тѣмъ же
всѣмъ необходимо почитать
и Покровскій, церковное имущество
нѣтъ сундуковъ и тѣмъ же
нѣтъ изъ Бежецкаго духовнаго
нѣтъ по № 1025^м Города Бежецкаго
въ Богословской Церкви, тѣмъ же
для обратнаго составленія въ Бежецкомъ
къ своимъ мѣстамъ въ Бежецкомъ, съ
творенными у сундуковъ тѣмъ же
что они съ обратными Церковными
имуществомъ въ свои мѣста
не

среди тѣхъ Николаевскій Покровскій Покровскій
Подписуется —
Борисоглебскій Церковникъ Покровскій Мавръ
нарождъ Подписуется —
Города Бежецкаго Покровскій Покровскій
Андрѣй Мавръ Подписуется —
Покровскій Церковникъ Покровскій Мавръ
Ивановъ подписуется.

ГАТО, ф. 468, оп. 1,
ед. хр. 13872

Доклад в Бежецкое
духовное правление.
Подан 5 ноября 1812 г.

Несмотря на поспешный исход жителей Москвы, брошенных в лазаретах раненых солдат и остатков арсенала, в армии Кутузова не было паники, и она отступала, сохраняя порядок. В донесении фельдмаршала, привезенном полковником Мишо императору Александру, кроме трагического решения оставить Москву М.И. Кутузов представил дальнейшие действия войск, глубоко обдуманные и впоследствии оправдавшие его замысел. Главнокомандующий писал царю:

«Генералу Винцингероде предписано от меня держаться самому на Клинской или Тверской дороге, имея между тем по Ярославской казачий полк для охранения от набегов неприятельских партий».

**Барон Винцингероде
Фердинанд Федорович**

Отряд барона Винцингероде накануне Бородинского сражения находился в селе Сорочневе на дороге из Можайска в Волоколамск. Случайно захваченные в плен казаками французские мародеры, уже грабившие деревни, сообщили о состоявшейся 26 августа битве. Это известие заставило командира отряда поехать на поиски Кутузова, чтобы получить какие-то новые указания для дальнейших действий. Барон нашел ставку главнокомандующего и, получив инструкции от Кутузова, повел своих людей на Рузу, где наткнулся на французских солдат. Не оценив сил противника, Винцингероде приказал атаковать неприятеля, чем чуть не погубил своих солдат, потому что за Рузой расположился большой неприятельский лагерь. Только ночь спасла русских от разгрома. Проселками маленький отряд вышел на Владимирскую дорогу, обходя с севера Москву. Здесь к Винцингероде примкнули лейб-гвардии казачий и Изюмский гусарский полки, отрезанные от арьергарда. Оставив на Ярославской дороге казачий полк, отряд Винцингероде вышел на Петербургскую дорогу при селе Пешковском. Между Клином и Тверью, согласно плану Кутузова, стали собираться войска не только для блокады французов в Москве, а для отражения вероятной попытки неприятеля прорваться к российской столице.

*Бенкендорф
Александр Христофорович*

28 августа по приказу графа Ф.В. Ростопчина Тверское ополчение прибыло в Клин, чтобы затем следовать в Можайск, но здесь их остановили, и казацкие полки передали под командование барона Винцингероде. Из Клина ополченцы видели зарево гигантского пожара в Москве.

М.И. Кутузов поставил задачу обеспечить стратегическое окружение Наполеона в Москве и не дать ему возможности получать продовольствие и фураж за счет местных средств. Французский император тоже пытался расширить сферу своего влияния и создания опорных баз, в том числе и в Клину. Но эти задачи не были выполнены его подчиненными, увлеченными в это время грабежом, пьянством и разбоем в поверженной Москве. Отличная французская разведка даже не смогла реально оценить силу маленького отряда Винцингероде, а также примкнувших к нему полков почти безоружного Тверского ополчения. Неприятель серьезно полагал, что дорогу на Петербург охраняет сильный армейский корпус. Этому способствовало и повсеместное сопротивление захватчикам московских крестьян. Разорение простого народа бесчисленными мародерами, фуражерами армий завоевателя и просто разбойничавшими французскими дезертирами было так велико, что ненависть к неприятелю росла с каждым днем. Находившийся при штабе Ф.Ф. Винцингероде полковник граф А.Х. Бенкендорф, прибыв в Волоколамск для захвата французских фуражиров, «уже не нашел в городе ни неприятелей, ни русских; одни врасплох перерезаны или сожжены в домах, а другие, т.е. собравшиеся на удальство крестьяне, скрылись».

Командиру 5-го казачьего полка А.А. Шаховскому было приказано командовать авангардом Тверского ополчения, а также надзирать за препровождением пленных. По донесениям генерал-адъютанта Ф.Ф. Винцингероде, пленных французских солдат и офицеров в короткий срок набрали до 6000; барон подчеркивал количество захваченных французов и сопоставлял их только с числом своего отряда (около 2500 солдат). Но лишь небольшая часть

из взятых казаками французов состояла из солдат, воровавших картошку в московских огородах. Шаховской, восхищавшийся своими старшими воинскими начальниками, всё же отметит:

«Известно, что Наполеон тащил за своею армиею другую армию, разного рода ремесленников, маркитантов, женщин, детей, которыми, как все почти они были уверены, хотелось населить и просветить Россию. По крайней мере, множество французского сброда обоего пола нахватаю нашими казаками; однако ж, надобно отдать справедливость донцам, они не обирали женщин из уважения ли к прекрасному полу или от того, что уже тогда нажились и чужим и русским добром, которого лучше таможенной стражи не пропускали за границу и почти все, что захватили неприятели в Москве отправилось на Дон».

Ратники из тверских крестьян размещались частью в клинских домах, а частью в деревнях Голяди, Ямуга, Головково, Просолово, Жуково, Белавино, Селох, Спас-Заулок и Завидово. Офицеры из дворян располагались частично в Клину в царском Путевом дворце, некоторые по квартирам дворян и чиновников. По вос-

Живьем бери!

кресеньям офицеры посещали службы в Успенском соборе, рядовые — в Воскресенской церкви и сельских храмах Спас-Заулка и Завидова. 7 сентября М.И. Кутузов предписывает генерал-лейтенанту Я.И. Тыртову о возвращении Тверского ополчения в город Тверь. Однако напоминает о действиях казачьих полков в случае наступления неприятельских войск в Тверь:

«В случае же невозможности удерживаться противу превосходства неприятеля, отступите к Новгороду к соединению с тамошним ополчением и в прикрытие Санкт-Петербурга, донеся мне о сем вашем движении».

Слабое в военном отношении и почти безоружное ополчение возвратилось в Тверь с повелением по-прежнему состоять в команде генерал-лейтенанта Винцингероде. Часть батальонов находилась в губернском городе и содержала по всем постам караулы, а другие разместились около города Торжка. Участвовать в боевых действиях при блокаде Москвы был оставлен только конный полк Тверского ополчения. Среди его офицеров и казаков, руководимых подполковником В.М. Балтиным был и уроженец Бежецкого уезда ротмистр Федор Иванович Бешенцов (владелец селца Доросково с деревнями).

12 сентября генерал-лейтенант Я.И. Тыртов рапортовал Александру I о состоянии Тверского ополчения:

Таблица №1

Полки	Всего солдат и офицеров	Налице							Не явится		
		офицеров			урядников и писарей		казаков				
		полков-	об.-	заст.-	старш. урядник	и писарь	полковн. губ.	полковн. губ.			
1-го . . .	1	4	46	3	70	132	2417	120	—	8	—
2-го . . .	1	4	37	20	114	88	2263	77	—	—	—
Пеших 3-го . . .	1	4	35	13	108	99	2305	120	—	9	111
4-го . . .	1	4	40	18	74	158	2352	120	—	—	35
5-го . . .	1	4	43	5	57	145	2317	121	—	9	33
Конного	1	3	19	3	21	39	607	—	609	—	71
Итого	6	23	201	63	434	531	12 361	558	609	26	357

Генерал-лейтенант Тыртов

ЦГИАЛ, ф. 1403, оп. 1, 1812 г., л. 837, л. 8. Подлинник.

Сидя в Москве и теряя контроль над своей Великой армией, Наполеон пытался любыми путями получить возможность открыть боковые коммуникации для связи со своими фланговыми группировками. Но ополченцы Твери и Ярославля, а также партизаны, казаки и небольшие армейские отряды не допустили захвата Воскресенска и Клина. Владимирское ополчение выбило французов из Богородска. На фоне всенародной борьбы с захватчиками было замечено недовольство крестьян своими хозяевами-крепостниками. В архивах и печатных источниках очень глухо и с неясностью встречаются указания, краткие рассказы о крестьянских волнениях в 1812 г. Академик Е.В. Тарле в своем труде «Нашествие Наполеона на Россию» писал:

«Были волнения и в Тверской губернии, и комитет министров в заседании 24 сентября 1812 г. слушал дело «о взбунтовавшихся крестьянах Волоколамского уезда и об одном священнике, который соучаствовал с ними». Крестьяне «вышли из повиновения», «разграбили господское имение, хлеб, скот, лошадей, убили крестьянина деревни Петраковой из пистолета».

В окрестностях Твери крестьяне тоже взбунтовались, и губернатор должен был обратиться к генералу Винцингероде, командующему войсками в Тверском округе. Комитет министров, заслушав дело, постановил:

«Барону Винцингероде предписать, чтобы он на место к взбунтовавшимся крестьянам отрядил достаточную команду и, изыскав начинщиков возмущения, в страх другим велел их повесить».

К счастью, Винцингероде разобрался в деле и не только никого не повесил, но и выяснил гнуснейшее поведение помещиков и их приказчиков, сознательно подводящих крестьян под обвинение в государственной измене. Посланный им генерал-майор А.Х. Бенкендорф отправил следующее донесение на французском языке, потому что русского языка Винцингероде не знал:

«Позвольте мне говорить с вами без обиняков. Крестьяне, которых губернатор и другие власти называют возмущившимися, вовсе не возмутились. Некоторые из них отказываются повиноваться своим наглым приказчикам, которые при появлении неприятеля, также как и их господа, покидают этих самых крестьян, вместо того, чтобы воспользоваться

их добрыми намерениями и вести их против неприятеля... Имеют подлость утверждать, будто некоторые из крестьян называют себя французами. Они избивают, где только могут, неприятельские отряды, отправляют в окружные города своих пленников, вооружаются отнятыми у них ружьями и защищают свои очаги... Нет, генерал, не крестьян нужно называть, а вот нужно сменить служащих людей, которым следовало бы внушить хороший дух, царящий в народе. Слух о возмущении крестьян — лживая выдумка. «Я отвечаю за это своей головой» (подчеркнуто в тексте)...

Крестьянские настроения в 1812 г. нашли свое отражение в выступлениях крестьян, только что одетых в ополченскую форму, но от этого не переставших быть крестьянами».

Малосильный отряд барона Винцингероде, стоявший между Клином и Подсолнечною, был единственным подразделением, защищавшим дорогу на Санкт-Петербург. Александра I пугала эта слабая оборона столицы, и он, как только мог, усиливал ее. 10 сентября император дал поручение своему генерал-адъютанту П.В. Голенищеву-Кутузову сформировать казачий Ямской полк: «...набрать ямов между Вышним Волочком и Клином, с каждого, по 200 молодых и способных к казачьей службе ямщиков, с собственными лошадьми и пиками». Находившимся в Твери восьми рекрутским батальонам под командованием полковника А.С. Жемчужникова назначено состоять в отряде Винцингероде. Офицерам и унтер-офицерам сих батальонов приступить к «потребным для военных действий образованиям Тверского ополчения». Даже экипаж малой яхты великой княгини Екатерины Павловны (в составе двух унтер-офицеров, 14 нижних чинов, двух юнг) в городе Твери тоже находился в боевой готовности. 16 декабря 1812 г. команда яхты поступит в состав батальона Екатерины Павловны, и моряки примут участие в Заграничном походе.

Готовились к обороне северной столицы и в Новгороде. Корпус генерал-майора Новака состоял из 2-го морского, двух казачьих полков и части Петербургского, а также всего Новгородского ополчений. Александр I не знал о дальнейших планах Наполеона, связь с М.И. Кутузовым была потеряна, т.е. судьба русской армии была неизвестна. В Санкт-Петербурге принимались все меры, чтобы в случае успешного наступления неприятеля ничего не досталось врагу. Над столицей нависла тревога неизвестности.

Тверское ополчение, будучи сформировано в местах, не подвергшихся нашествию неприятеля, получило довольно хорошее устройство. Оно содержалось (до объявления похода, когда правительство брало их на свое попечение) на собранные пожертвования с уездов губернии. Одеждой ополченцев особенно не стесняли. Ратники, как и полагалось, носили серые фуражки, серые или темно-зеленые кафтаны и амуницию с ремнями красного, синего, коричневого или белого цвета. Знаменитые медные ополченские кресты с надписью «За Веру и Царя» и императорским вензелем были далеко не у всех. Из журнала заседания Комитета Тверской военной силы от 12 июля 1813 г. сказано:

«Об отправке в г. Ригу 4000 рублей на изготовление 8000 латунных крестов на фуражки ополченцев».

Первоначальное обучение, устройство и боевая подготовка полка были отданы в ведение командира. Соответственно, часть, имея плохого полкового начальника, могла оказаться полностью небоеспособной. Обучение ополчения было несложное: требовалось «впереть воина знание своего места в шеренге и ряду». Казаки из крестьян должны были служить лишь резервом для регулярных частей. Принимавшие участие в боевых действиях смоленские и московские ратники, как правило, распределялись среди армейских подразделений и использовались для выполнения вспомогательных работ: выноса раненых, постройки полевых укреплений, а в бою для поддержки атак.

Командир полка не получал жалованья, как сказано было в «Положении о составе Тверской военной силы», «по важности звания, в коим они служили, по особой доверенности государя Императора, из усердия к Отечеству». Но полковой начальник имел полное право распоряжаться всеми денежными средствами своей части, он же нес личную ответственность за состояние финансового хозяйства. Капитал полка, как денежный, так и натуральный, пополнялся всевозможными пожертвованиями от тверского населения всех сословий. Жалованье выдавал полковой казначей, обер-офицер, выбранный голосованием всеми офицерами. Из числа батальонных начальников бедные получали пособие, а прочим же обер-офицерам выдавалось сотенным начальником 30 р., другим — по 20 р. в месяц. Урядникам полагалось по 1 р. 25 к., казак получал по 1 р. в месяц.

Многие штаб- и обер-офицеры ополчения прошли суровую школу службы при императоре Павле I и поэтому особое внимание

уделяли маршировке, темпу с упором на трехшереножный строй, а при стрельбе залповому огню. Кулак и брань в такой системе были, естественно, употребляемы без меры. Хотя в воинском уставе 1811 г. говорилось о необходимости смягчения дисциплины:

«...наказание следует оставить только для воздействия на беззаботных, да и здесь следует воздействовать терпением и благоразумием».

Жестокая дисциплина в некоторых батальонах вызывала частью дезертирство. В подразделениях ощущался некомплект нижних чинов (больные, беглецы), и в ноябре 1812 г. в состав Тверского ополчения включают для пополнения 367 московских и смоленских ратников.

В ополченских полках на протяжении войны остро ощущался некомплект младших офицеров. К счастью, имелись опытные командиры, прослужившие до 1812 года много лет в армии. Вернувшись в строй, они показали себя с хорошей стороны, но, конечно, были и другие офицеры, которые только на словах были пламенными патриотами. Не сразу налаживались хорошие отношения в офицерской среде, были ссоры, обиды. Как писал начальник Новгородского ополчения Н.С. Свечин,

«всякий ищет власть свою поставить выше власти друга, себя очистить, а друга уронить, и такое искусство почитается служением усердным к Отечеству».

25 сентября Александр I посылает П.В. Голенищеву-Кутузову новый указ, в котором предписывает использовать для скорейшего военного обучения Тверского ополчения унтер-офицеров и старослужащих солдат из рекрутских батальонов А.С. Жемчужникова. Целый ряд земских ополчений, в том числе и Тверское, почти не имели ружей и выходили в бой как во времена Батыя — с пиками и топорами. Начальник 1-го округа граф Ростопчин просил:

«Теперь всего нужнее дворянство и стрелки».

Только после занятия французами Москвы император и российское правительство наконец-то приняли меры по вооружению тверских казаков огнестрельным оружием.

1 октября Александр I приказывает управляющему Военным министерством А.И. Горчакову:

«...нужно снабдить в каждом батальоне две передние шеренги ружьями, полагая по 400 ружей на батальон, а всего 6 тыс., почему и прикажите немедленно отправить в Тверь

на почтовых лошадях оное число ружей из находящихся в С.-Петербургском арсенале».

Для Тверского ополчения ружья собирали везде где только можно и какие только годилось для стрельбы. Из Новгорода прислали оставшиеся от укомплектования тамошнего ополчения 820 гусарских ружей с изготовленными патронами. Петербургский арсенал предоставил 3500 исправленных починкой ружей, в Санкт-Петербурге также нашли до 500 английских, и 500 солдатских прежних, и 510 егерских ружей. «Прежних» означало старых, и этого количества хватило лишь на то, чтобы укомплектовать первые две шеренги, а третья стояла с пиками. Урядники вооружались старыми алебардами.

13 октября А.И. Горчаков сообщил Ф.Ф. Винцингероде, что в «число подлежащих в Тверское ополчение 6 тыс. ружей, за исключением отправленных из Новгорода 1000, остальные 5 тыс. отсюда отправлены».

Генерал-адъютант П.В. Голенищев-Кутузов всеми силами старался пополнить критически малочисленный отряд Ф.Ф. Винцингероде, охранявший путь на Петербург. Он не только следил за обучением ратников Тверского ополчения военному делу, но и собирал везде годных для боевых действий людей. Так, вышеволоцкий городничий Н.Н. Сеславин, отставной поручик лейб-гвардии Конно-артиллерийской роты (герой Аустерлица и Фридланда) по Высочайшей воле формирует и принимает командование резервной конно-артиллерийской полуротой. Для нее с тверских ямов собрали 70 лошадей с хомутами в упряжку к 6 орудиям и зарядным ящикам, а также 120 верховых лошадей для канониров. Эта конно-артиллерийская полурота в дальнейшем не только усилила отряд барона Винцингероде, но и приняла участие в Отечественной войне и Заграничных походах. Н.Н. Сеславин за осаду Данцига был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

6 октября из города Вышний Волочёк П.В. Голенищев-Кутузов рапортовал Александру I о сборе ямщиков Тверской губернии в конное ополчение и о ходе его обучения:

«...Удостоюсь получить разрешение в. и. в. сделать сбор с ямщиков на временную казачью службу по моему усмотрению, имею счастье донести, каким образом произвел я сие в исполнение: с ямов Тверской губернии взял я пятого, с Клину и с приписным к оному ямов — десятого человека по последней

ревизии. Таким образом, собрано мною молодых и здоровых людей 788 человек и в такой находятся готовности, что по получении седел через час с каждого яму выступают в поход; все они вооружены пиками и саблями.

*...я осмелюсь представить вашему высочеству не благо-
угодно ли будет повелеть укомплектовать их (рекрутские
батальоны полковника Жемчужникова), из находящихся в
Твери 1280 человек разных полков нижних чинов, находящихся
в команде подполковника Пурпура; я всех их свидетельство-
вал и допрашивал, все сказываются бежавшими из плена,
человек 70 есть раненых, которые порядочно призрены в ка-
зарме, а прочие все были почти наги, и без всякой амуниции.*

*...Тверское ополчение учил я несколько уже раз побатальонно
строить колонны с правого и левого флангов и на середину, колон-
ною марширует скорым шагом, переменяет позиции, из колонн
выстраивает фронт и, наконец, ходит по отделениям.*

*...Ополчение сие по утвержденному штату состоит из 5 пол-
ков, каждый полк — из 4 батальонов, много недостает офицеров,
а теперь еще более недостаать будет, ибо велено удалить всех
находящихся зауряд-офицерами не служивших дворян».*

Подробнее следует рассказать о боевом пути Ямского каза-
чьего полка. Командиром его был назначен сотенный начальник
конного полка Тверского ополчения Ф.И. Бешенцов (бежецкий
помещик). В составе отряда генерал-адъютанта П.В. Голенищева-
Кутузова этот полк принял участие в преследовании неприятеля
до границ России. В кампанию 1813 г. он с января по апрель со-
стоял в отряде генерал-майора И.И. Дибича, а с апреля по июнь в
сражениях в отряде генерал-майора В.И. Гарпе. В кампанию 1814
года полк участвовал в боевых операциях на территории Франции.
2 июня 1814 г. полк возвратился в Тверь и был расформирован.

После сдачи без боя Москвы все сословия Российской импе-
рии испытывали помимо горечи поражения состояние тягостной
неопределенности: как будет развиваться ход кампании дальше?
Непредсказуемость Наполеона предполагала самые неожиданные
решения и действия.

Французские солдаты начали грабить страну с первых дней на-
шествия и, дойдя до Москвы, рассчитывая на быстрое окончание
войны, предавались всё больше личному обогащению любыми
способами. Мародерство окончательно разложило Великую ар-

мию. Неуважение завоевателей к православной вере, разграбление и осквернение храмов, истязание священников вызвало среди простого народа всеобщий взрыв гнева. Только в Москве были замучены до смерти: священник П. Вениаминов, священник И. Алексеев, иеромонах Павел, послушница Алексеевского монастыря. Так, например, священник Смоленского собора В. Шировский был затравлен собаками прямо в храме за то, что не отдал французскому офицеру свое серебряное кадило. Неудивительно, что в глазах русских крестьян такие завоеватели перестали быть людьми. В борьбе с «нехристями» народ, естественно, проявлял излишнюю жестокость: рубили пленным французам головы, закапывали в землю живыми.

Главкомандующий М.И. Кутузов первым из русских полководцев решился возглавить всенародное сопротивление и использовал все силы и возможности крестьянской России для разгрома врага. Народный гнев стал единственным выходом из тяжелого положения, в котором оказалась Российская империя осенью 1812 года. Кутузов глубоко и верно оценил стратегическую обстановку и готовился перейти в контрнаступление, в то время когда морально опустошенная Великая армия заботилась о спасении награбленного добра и о благополучном отступлении на запад. Перед Наполеоном нависла реальная угроза превращения полуокружения в Москве в полное окружение.

Немалую роль в блокаде захватчиков играли не только партизаны и ополченцы 1-го округа, но и отряды внутренней стражи соседних с Москвой губерний. В Тверской губернии особенно активно действовал Кашинский уезд. Сохранились рапорты и инструкции Кашинского уездного исправника за сентябрь 1812 года об организации, расположении и задачах отрядов внутреннего ополчения «об отражении неприятеля в случае его появления».

В сентябре 1812 года газета «Северная почта» напечатала несколько корреспонденций из г. Осташкова. Так, 23 сентября она писала:

«Здесь учреждены из предосторожности, для ловления французских мародеров и для прикрытия дорог и границ уездных, отряды, разъезды и караулы, состоящие из 600 человек вооруженных крестьян, в числе коих 200 конных».

25 сентября.

«Генерал-губернатор Новгородский, Тверской и Ярославский принц Г. Ольденбургский одобряет действия Ржевского уезд-

ного исправника, организовавшего отряд из 500 крестьян для борьбы с французами в Сычевском уезде Смоленской губернии».

Не бездействовал и отряд барона Винцингероде, оборонявший дорогу на Санкт-Петербург. Командир его посылал весьма ценные сведения об обстановке и противнике главнокомандующему М.И. Кутузову, а также императору Александру I.

20 сентября.

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что при корпусе, отрядах, авангарде и передовых постах обстоит все благополучно.

По Владимирской и Ярославской дорогам взято было 18 числа в плен 93 человека, которые отосланы в Ярославль. Аванпосты Французские по сим дорогам стоят на прежних местах: по Владимирской дороге близ зверинца, а по Ярославской в деревне Алексеевской.

По Санкт-Петербургской же дороге, после представленного Вашему Императорскому Величеству рапорта от 15 сентября, неприятельских движений никаких не замечено. В прошедшую ночь взяты в плен: один офицер и 34 рядовых 5-й дивизии 1-го корпуса. Оная 5-я дивизия стоит в Москве, и отряд оный вышел из Москвы для добывтия себе провианта. Есаул Гордеев, находящийся в городе Воскресенске, прислал вчерашнего числа 99 пленных французских рядовых; большая часть из оных были ранены при Бородинском сражении, выздоровевшие и следовавшие из госпиталей в Москву».

Наполеон, будучи в уверенности в скорых переговорах, отнюдь не бездействовал. Не имея четкого плана продолжения войны на случай, если переговоры затянутся или вовсе не состоятся, он решил создать вокруг Москвы опорные пункты для защиты от возможного нападения русских, но главным образом для сбора продовольствия. Голод начал сказываться в разоренном городе. Также император Франции пытался организовать борьбу с партизанами и казачьими отрядами.

Тверское ополчение, составлявшее второе кольцо окружения на правом фланге противника, вело довольно активные действия. В общей сложности на этом направлении с отрядом барона Винцингероде находилось более 20000 человек. Попытка маршала Нея оттеснить Тверское ополчение и выйти к Димитрову не увенчалась

успехом. Четырехтысячный отряд французов был отброшен от города. Также неудачей закончилась попытка неприятеля закрепиться в Воскресенске: он тоже был вынужден отступить к Москве. Всё это происходило, несмотря на то, что основная масса ополченцев еще осваивала воинское обучение в лагерях. В боевых действиях прославились храбростью ратники конного полка Тверского ополчения, вооружение которых состояло из длинной палки с железным гвоздем (не было даже казацких пик). Русский генерал А.Ф. Ланжерон писал о казаках из крестьян: «Сии добрые люди — дерутся как черти». Французские офицеры были другого мнения и даже отвагу крестьян пытались объяснить грубостью, невежеством и религиозным фанатизмом русского народа. Так, полковник Бретон писал:

«Русские особенно превозносят своих казаков, они, действительно, оказывали большие услуги их армии, но их польза проявлялась лишь тогда, когда противник отступал; в противном случае это было малоопасное войско, которое беспокоило неприятеля, но никогда не атаковало организованно».

Включение ополченских формирований в военные действия позволило освободить полевые войска от охраны коммуникаций, конвойной службы и других подобных обязанностей, требовавших большого числа людей. Особое место в истории Тверского ополчения занимает борьба с дезертирами и мародерами. Меньшая часть дезертиров Великой армии перешла на русскую сторону: так, в августе 1812 года только в Псковской губернии находилось 5161 солдат (саксонцы, швейцарцы, итальянцы, испанцы, французы и т.д.), не пожелавших служить императору Франции. Знаменитый армейский партизанский отряд А.С. Фигнера состоял кроме русских гусар и казаков также из испанцев, итальянцев и немцев. Они храбро сражались против французов. Офицером этого отряда был кашинский и бежецкий помещик, впоследствии писатель Николай Васильевич Неведомский. Партизаны попали в засаду и были разгромлены. Фигнер затем погиб близ города Дессау. Окруженный неприятельской кавалерией, он перевязал руки платком и бросился в Эльбу. Н.В. Неведомский попал в плен. После войны он станет первым биографом отважного партизанского командира.

Большая часть французских дезертиров скрывалась в лесах и занималась грабежом и насилием над мирными жителями. Французское командование считало, что их число достигало до 60000 человек. Но среди пойманных мародеров были не только

французы, но и русские солдаты и казаки. Среди них встречались, конечно, и ополченцы. Из приказов М.И. Кутузова узнаем, «что Юхновского ополчения прапорщик Ладницкий, отлучившийся от своей команды и приведенный в главную квартиру вместе с мародерами, предается военному суду». Наказание было жестоким. Если дворянина Ладницкого было приказано «разжаловать на месяц в солдаты и, если в это время в дурном не будет замечен, сделать представление о возвращении прежнего чина», то простых ополченцев прогнали сквозь строй (т.е. забили шпикрутенами).

Русский главнокомандующий М.И. Кутузов, имея 120000 регулярных войск и около 130000 ополчения, все-таки не решился в конце сентября перейти к активным боевым действиям для окончательного тактического окружения французской армии в Москве. Первой причиной тому было почти безоружное ополчение, второй — распространившаяся эпидемия заразных заболеваний во вражеском лагере и окрестностях Москвы. Последняя причина почти не замечается исследователями той эпохи. А Кутузов, имея опыт осады турецких крепостей, прекрасно представлял себе опасность и скорость заражения при скоплении большого количества войск. Командир роты Владимирского ополчения И.М. Благовещенский в воспоминаниях писал:

«Когда мы шли к Москве ополчением, усматриваем, что по полям близ столицы лежало во множестве мертвых, раздутых лошадей, рогатая скотина (конечно этот презент остался после французов) и что, идучи, должны были перешагивать и обходить эту падаль, и полагаем оттого последовали по селением болезни, от кой и мы должны были получать таковые и нести одинаковую участь».

Уже после изгнания Великой армии из Москвы 17 октября 1812 года М.И. Кутузов предписал Владимирскому ополчению взять управление городом. 19 октября П.В. Голенищев-Кутузов приказывает 5-му пехотному полку Тверского ополчения прибыть в Москву для содержания караулов. Владимирских и тверских ратников ждала печальная судьба. И.М. Благовещенский, участник тех событий, вспоминал:

«Положение худое, люди растерялись с силами русского мужика, стоя в караулах: не ознакомься с службою, приходили в изнеможение, и слабость более и более была видна, и болезнь, сильно воцарясь, оказала свое действие, но удержать к прекращению совершенно не было принято никаких мер и

пособий медицинских... Полковник, штаб и обер-офицеры получа болезни, подвержены все были смертности и из полка оставалось как их, так и воинов очень и очень немного».

Наполеон вовремя разгадал замысел Кутузова и оставил Москву до того, как ополченцы были приведены в полное боевое состояние, получив хотя бы часть необходимого вооружения. Когда французский император решил выступить из города, барон Ф.Ф. Винцингероде выдвинулся со своим авангардом к Москве, к Тверской заставе. Здесь он узнал от командира 5-го казачьего полка Тверского ополчения князя Шаховского, что император Франции приказал маршалу Мортье взорвать Кремль. Барон решил показать пример рыцарского мужества и достоинства, пообещав офицерам своего отряда:

«Нет, Бонапарте не взорвет Кремля! Я завтра дам ему знать, что если хотя одна церковь взлетит на воздух, то все попавшие к нам французы будут повешены!»

10 октября, буквально в последние часы пребывания врага в Москве, Винцингероде прибыл для переговоров с Наполеоном, где его сразу пленили. Несмотря на то, что барон был генералом русской армии, российского подданства он не имел. Как уроженца Гессена, входившего в состав Рейнского союза, т.е. подданного французского императора, его, как изменника, должны были казнить. Так по неосторожности Винцингероде крупный русский отряд остался без командира. Его спасло письмо А.Х. Бенкендорфа, который, узнав о случившемся, написал маршалу Э. Мортье, что находящиеся в плену французские генералы будут отвечать жизнью за жизнь Винцингероде.

28 октября барон будет отбит у врага отрядом А.И. Чернышева по дороге во Францию у местечка Радошковичи. Временное командование над отдельным отрядом Винцингероде примет генерал-майор Иловайский. Утром 11 октября он первым с казачьими полками войдет в Москву. Оставление врагом древней русской столицы было воспринято всеми как сигнал к всеобщему наступлению. Собранные довольно крупные силы Тверского ополчения, поддерживаемые регулярными частями, а также отсутствие подготовленных баз и бездорожье были причиной отказа Наполеона от движения своей армии по линии Зубцов — Белый на соединение с Витебской группировкой

Действия тверских ополченцев в период отступления французской армии

Александр I назначает командиром отряда Винцингероде и Тверским ополчением — генерал-адъютанта П.В. Голенищева-Кутузова. 19 октября тот рапортует императору о вступлении «в командование высочайше вверенного мне корпуса». Самые боеспособные, т.е. конные отряды, новый командир собирает к Волоколамску: сюда прибыли тверские ямщики, собранные Голенищевым-Кутузовым для Ямского казачьего полка, сотня конного полка Тверского ополчения, три конные сотни Ярославского и шесть орудий конно-артиллерийской полуроты под командованием бывшего вышневолоцкого городничего Н.Н. Сеславина. Основной состав конного полка Тверского ополчения и Ямского казачьего полка в это время был задействован на преследовании неприятеля. П.В. Голенищев-Кутузов оставшимся четырем пешим полкам Тверского ополчения приказывает:

«...прочую пехоту оставляю на прежних квартирах, не находя теперь большой надобности двинуть ее вперед, а между тем она сформируется и будет в совершенной готовности, если амуниция на батальоны Жемчужникова будет доставлена».

Снаряжение ратников действительно было очень скудным. Только часть имела огнестрельное оружие, остальные вооружались пиками или специфическим оружием — пиками с ружейными прикладами. Людей, поступивших в ополчение, даже перед самым выступлением в поход еще продолжали обмундировывать, а батальоны пополнять ратниками, о чем записано в журнале Комитета Тверской военной силы.

Октябрь 1812 года. «Предписание Тверской духовной консистории в Бежецкое духовное правление об отправке в Комитет Тверской военной силы пономарей, пожелавших вступить в ополчение».

1 ноября. «О скорейшем обмундировании 367 московских и смоленских ратников в составе Тверского ополчения...»

2 ноября. «Об обмундировании 24 немцев-мастеровых, вступивших в ополчение».

Пешим полкам Тверского ополчения по Высочайшему повелению (29.10.1812) назначено было следовать через г. Ржев и г. Белый к Смоленску. Но в день выступления ратников в поход, 3 ноября, генерал-лейтенант Я.И. Тыртов получил предписание от П.В. Голенищева-Кутузова двигаться в Сычевку, где и ждать от него дальнейших приказаний. Полки пошли по короткой дороге, по тракту на Старицу и Зубцов. 12 ноября из Зубцова начальник Тверского ополчения шлет донесение графу А.А. Аракчееву, что по вторичному предписанию своего командира Голенищева-Кутузова ратники следуют в Сычевку, чтобы далее идти на Витебск. Но Аракчеев меняет маршрут и отправляет их в Белый. Там они стоят до 29 ноября. По истечении трех месяцев по сбору ополчения ратники переводятся на снабжение провиантом и жалованьем от казны по штату общеармейских полков. В «Записке о Тверской военной силе в 1812 г.» тверского предводителя дворянства А.Н. Полторацкого, в то время бывшего командиром 4-го пешего полка Тверского ополчения, читаем:

«...но по приходе в г. Белой повелено ополчению следовать в г. Витебск; прибыв в оный, расположено было ополчение в самом городе и окрестностях почти до Полоцка, где и оставалось до последних чисел января-месяца 1813 г. Во время сего пребывания от военнопленных, находившихся за болезнью в г. Витебске французов, возникли поварьные болезни, коими значительное число людей Тверского ополчения заразилось, и находясь в госпиталях, померли».

Даже исследователям Земского ополчения 1812 года, куда интереснее изучать Московское, Смоленское, Новгородское и Петербургское ополчения, которые непосредственно принимали активное участие в боевых действиях. Роль тверских ратников была слишком проста — не давать отдельным отрядам противника, его разведке и фуражирам проникать на север. Но то, что кажется простым, на деле оказалось довольно трудным. В ходе наступления русская армия численно быстро уменьшалась, теряя людей не столько от боевых действий, сколько от трудных условий. Идти по пятам врага приходилось по опустошенной и опаленной

огнем войны земле. От домов в деревнях оставались только печи и трубы. Местность почти обезлюдела. Снабжение русской армии не соответствовало темпам наступления, и войска испытывали большую нужду не только в продовольствии, но и теплой одежде. Даже у кавалергардов элитного полка гвардии всё обмундирование во время похода успело обратиться в грязные лохмотья, и офицеры дополняли свою форму вплоть до женских капотов и шалей. М.И. Кутузов с пониманием отнесся к этой проблеме и даже издал приказ, где просил офицеров «беречь свое здоровье не стесняясь формы».

Наполеон, с остатками Великой армии, даже отступая вновь, показал себя великим мастером ведения боя. Прекрасно ориентируясь в обстановке, имея против себя превосходящие силы противника, он сумел ускользнуть от полного разгрома. Выход русской армии к Белоруссии и Литве создал новые сложные отношения с Польшей, Пруссией, Австрией и Литвой.

Прежде всего, нужно было не допустить концентрации сил остатков Великой армии в Литве. На бывших оккупированных территориях в Белоруссии пешие полки Тверского ополчения не только несли караульную службу, но и боролись с бандами мародеров, конвоировали партии пленных французов, ловили беглых, выполняли земляные работы по содержанию дорог и переправ, ухаживали за больными и ранеными в госпиталях. Тверские ратники в самый разгар эпидемии тифа (декабрь 1812 — январь 1813 гг.) занимались не только охраной порядка, но и выполняли опасную работу по уборке территории от непогребенных тел погибших и умерших. С наступлением зимы они выкапывали из-под снега человеческие останки, собирали их вместе и сжигали на кострах. По воспоминаниям участников тех событий, в Белоруссии со стороны Лепеля и Докшиц (где проходил отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова) «всё было забито трупами, разбитыми обозами, пушками». Но еще более ужасающее зрелище представляли собой в отбитых у французов городах их госпитали. Так, в литовской столице Вильно

«умерших некому было хоронить. Трупы, нагроможденные кучами, лежали на улицах... Живые лежали вместе с трупами. Тела умерших особыми командами выбрасывались через двери и окна на улицу. Воздух был наполнен трупным запахом и испарениями от разлагавшихся трупов. Больные в

полусознательном состоянии иногда разводили огонь на полу занимаемых ими помещений и погибали вместе со зданиями... Самую ужасную картину представлял базилианский монастырь. 7500 трупов навалены были друг на друга по коридорам, подобно грудам свинца. Все отверстия разбитых окон или стен были заткнуты руками, ногами, туловищами и головами мертвых, чтобы предохранить живых от доступа холодного воздуха. И в этих помещениях, наполненных зловредными испарениями, лежали несчастные больные и раненые, обреченные на гибель».

В окрестностях Вильно и самом городе зимой было собрано и похоронено 80000 трупов. Среди самих тверских ополченцев свирепствовала эпидемия тифа. Многие умерли. И.М. Благовещенский вспоминал:

«Только и слышишь, что заболело 20, умерло если не столько, каждый день, то 10 человек...»

27 ноября Егерский батальон великой княгини Екатерины Павловны, вышедший из Твери к действующей армии, несмотря на хорошее снабжение и маршрут по менее разоренной дороге, после Витебска понес большие потери от тифа. Поскольку на тысячу верст до Немана не было госпиталей, командир батальона князь Оболенский устраивал больных «гнилой горячкой» под присмотр местных жителей. Расплачивались с ними из средств великой княгини. Немногие егеря и офицеры вернулись в свою часть после выздоровления. В итоге батальон сократился почти на 500 человек.

В феврале 1813 года на излечении в Восточной Пруссии находились 11 добровольцев-семинаристов, среди которых был и Афанасий Смирнов (16 лет) из Бежецкого уездного училища.

В это тяжелое время в батальонах Тверского ополчения стало катастрофически не хватать офицеров. Командир 5-го казачьего полка князь А.А. Шаховский с возмущением писал:

«...и возвратясь в полк, которым начальствовал, по избранию моих тогдашних сослуживцев, но не могу утаить, что гонка неприятеля из Москвы, по дороге, им же разоренной, произвела нравственную перемену в некоторых из избирателей моих. Они, как оказалось на деле, разделялись на природных дворян в старинном смысле этого слова и на помещиков, схвативших кое-как офицерские чины или добравшихся по приказам даже и до 9-го класса и купивших на

промышленные деньги деревни.

Первые, припомня в ополчении прежнюю военную службу и внушенные ею чувства народной чести, охотно шли в поход и рады были подраться с неприятелями; а некоторые из вторых, вступая ретиво в ополчение, служили усердно, пока отдавался в их русских сердцах восполительный крик: «наших бьют!»... Когда же наши стали бить, то, смекнув, что незваным гостям у нас не вод, и почтя военное служение свое на защиту отечества уже конченным, старались отлынять под разными предложениями от дальнейших беспокойств и на зиму убраться в теплые хоромы свои».

Нехватка офицерских кадров остро ощущалась не только в ополчениях, но и в действующей армии. Громадные потери, понесенные русскими в ходе Отечественной войны, требовалось возместить для предстоящей войны с Наполеоном в Европе. Теоретическая штатная численность пехотных полков должна была составлять 1476 человек (в двух полевых батальонах). Но в русских батальонах даже в начале кампании 1813 года насчитывалось только 150 — 200 солдат в каждом. По указу Александра I офицеры ополчения, «имеющие намерения и способности служить в полках», переводились в регулярную армию «теми самыми чинами, какие назначены для ополчения». А в указе от 17 декабря 1812 года в армейские полки принимались со льготами и чиновники, служившие в ополчении.

К октябрю 1812 года с начала бегства Великой армии из Москвы французские освободители в Белоруссии превратились в оккупантов. Здесь среди простого народа поднялась волна партизанского движения. 26 октября русский отряд под командованием генерала Гарпе изгнал врага из Витебска. Русским драгунам удалось захватить в плен французского губернатора Пуже и коменданта города. Активное участие в освобождении родного города принимали витебляне. Они обезоруживали французских солдат и передавали их русскому командованию. Для восстановления российского порядка прибыли полки Тверского ополчения. От голода и боевых действий Белоруссия потеряла до трети населения.

Тверские полки расположились в опустошенной войной местности. Ослабленные эпидемией тифа, они требовали пополнения нижними чинами. Генерал-лейтенант Я.И. Тыртов по высочайше утвержденному распоряжению главного директора путей сообще-

ния принца Г. Ольденбургского принял в Тверское ополчение 517 человек от разных помещиков Витебской губернии. Они ранее были заняты (в основном землекопами) при работах путей сообщения. Комитет министров весной 1813 года постановил: «... взятых в Тверское ополчение крестьян Витебской губ., зачислить помещикам за следующих с имений их рекрут и оставить на военной службе поступивших».

Согласно рапорту Я.И. Тыртова Александру I с приложением ведомости о состоянии Тверского ополчения на 1 января 1813 г., т.е. во время пребывания в Витебске, в это время в шести полках ополчения (пяти пеших и одном конном) налицо состояло: 5 полковых начальников, 20 батальонных, 123 обер-офицера, 39 сверхкомплектных дворян, 786 урядников, 130 писарей, 10612 казаков, в том числе 9944 из Тверской губ., 287 из Московского и Смоленского ополчений, 381 землекоп из Ведомства путей сообщения. Кроме того, в ополчении имелось 12 строевых и 155 артельных лошадей. Находилось в командировке (за единичными исключениями в составе конного полка ополчения, вклю-

Ноябрь 1812 г. "Eine Baschkiren-Attacke:
Die Sachsen sollen von Gott vergessen sein"

ченного почти полностью в состав корпуса генерал-адъютанта П.В. Голенищева-Кутузова): 1 командир полка, 28 офицеров, 2 сверхкомплектных дворянина, 50 урядников, 8 писарей, 594 казака, в том числе 3 из Московского и Смоленского ополчений. Больных было: 39 офицеров, 1 сверхкомплектный дворянин, 90 урядников, 1994 казака, в том числе 1913 из Тверской губ., 29 землекопов, 52 чел. из Московского и Смоленского ополчений. (ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, 1812 г., д. 837, л. 5 — 6 об.)

В последних числах января 1813 года полкам Тверского ополчения было приказано выдвигаться из Витебской губернии: 1-му, 3-му и 4-му в г. Ригу, Динабург и Динемюнд, 2-му и 5-му через г. Бауск Литовско-Виленской губернии в г. Тельше и в м. Корцяны, Кретинген и Паланген. Высочайшим назначением тверским полкам приказано состоять в корпусе рижского военного губернатора маркиза Ф.О. Паулуччи.

Часть Тверского ополчения не только выполняла полицейские обязанности, но также была использована для сопровождения пленных, т.е. исполняла функцию внутренних войск. Как происходило конвоирование партий пленных — об этом мало известно. Исследуя официальные документы совместно с личными воспоминаниями бывших военнопленных в 1812 году, можно более объективно представить масштаб происходивших событий. Эта страница войны трагична.

Мемуарная информация наполеоновских офицеров частью предвзята и заставляет усомниться в ее объективности; даже находясь в плену, они продолжали считать себя «представителями цивилизованной нации» в варварской стране. В мемуарах полковника Бретона и медика Де ла Флиза немало написано о жестоком поведении конвоя, состоящего из ополченцев:

«Несчастные пленные почти все были взяты в плен либо в деревнях, через которые прошла армия, либо возле костров, оставшихся после нее. Они все умирали от голода, утомления и холода и были не в силах подняться даже при приближении неприятеля из-за обмороженных ног. Эти несчастные, как было видно, передвигались с величайшими страданиями, и как только останавливались или падали от усталости, жестокие казаки (французы как правило не видели разницы между настоящими казаками и крестьянами-ополченцами), которые конвоировали нас, кричали им: «Марш!» Эти слова

сопровождались многочисленными ударами пик и, когда эти несчастные окончательно не могли повиноваться, их бесчеловечно убивали. Тогда мы слышали жалобные душераздирающие крики жертв, которые эти каннибалы тащили умерщвлять. Эти воспоминания заставляют меня содрогаться. Варварство жестоких казаков доходило до того, что они закапывали в землю в перемешку мертвых и умирающих».

Расписывая в подробностях ненависть ополченцев, иностранные мемуаристы приписывают это грубому и жестокому характеру простого русского народа, забывая причины, вызвавшие эту злобу. У русских солдат и ополченцев породила такое чувство звериная жестокость самих французов по отношению к русским военнопленным, которую они показывали на протяжении всего отступления из России. Это подтверждают не только российские, но и честные французские солдаты и офицеры. Тяжелые испытания выпали на долю русских пленных после Бородинского сражения и взятия неприятелем Москвы. А.И. Попов в статье «Русские военнопленные в 1812 г.» [Император, №№3, 4, 2004 г.] приводит свидетельства офицеров Великой армии.

17 сентября Наполеон приказал выводить русских пленных колоннами по 1000 человек под конвоем 200 вестфальцев.

Лейтенант 5-го Вестфальского полка Ф. Гиссе:

«Что делало нашу службу особенно угнетающей — так это многочисленные русские пленные: хотя мы сами натерпелись от своего жалкого состояния, но бедственное положение, в каком находились пленные, превосходит все человеческое воображение! Близкие к голодной смерти, изможденные — эти живые трупы как скот загоняли по вечерам в церкви. сапи

Декабрь 1812. Тверское ополчение в походе

и хлева, а по утру вновь выгоняли оттуда... Их пищей должно было стать мясо павших животных, которые лежали вдоль всей большой дороги! При таком внушающем ужас питании они день за днем проделывали утомительные марши, а конвоировавший их офицер нес личную ответственность за приведение в исполнение письменного императорского приказа, гласящего: «Каждый русский пленный, который из-за болезни, потери сил, или по злому умыслу остановился на марше и не сможет продолжить путь, и тот, кто попытается дезертировать из транспорта или кто ранее дезертировал и вновь был задержан, должен быть расстрелян на месте!»

Капитан 2-го батальона Линсинген (октябрь 1812 года) общал:

«Пленных приходилось прямо-таки гнать как скотину. Они дюжинами падали от изнеможения... Они были до такой степени изморены голодом, что с жадностью набрасывались на трупы. Во время одной остановки четверо русских бросились в колодец, чтобы покончить со своими мучениями».

Фурьер 8-го Вестфальского полка Х. Ляйфельс признавал:

«...колонну пленных русских солдат конвоируют солдаты вестфальской гвардии. Эти негодяи попросту пристреливали шедших сзади русских так быстро, как только могли перезаряжать ружья! Несчастные русские сбились как овцы, и последние сталкивали передних с дороги...»

Когда Ляйфельс сказал одному из мерзавцев, добивавшему пленных «об омерзительности получать удовольствие от убийства, тот совершенно хладнокровно ответил, что его товарищи развлекаются этим!»

Наполеон через своего посла Лористона 23 сентября предлагал М.И. Кутузову размен пленными. Но русский главнокомандующий отказался, о чем и рапортовал царю. В результате тысячи русских солдат и офицеров, в основном раненые, попавшие в плен на поле боя и из брошенных лазаретов, усеяли своими трупами весь путь отступления Великой армии. В плен попадали и ополченцы. Так, прапорщика П.М. Храповицкого, составившего конную команду из своих крепостных, 4 октября захватил отряд французских кавалеристов. Ему, к счастью, удалось сбежать от врага. Прапорщик В.А. Перовский, незаконно задержанный в Москве неприятелем, потом писал, что военнопленными объявлялись многие из купцов и крестьян:

«Французы, ссылаясь на их бороды, уверяли меня, что это казаки. Тут были и дворовые люди, и даже лакеи в ливреях, которые, по мнению провожающих нас, были также переодетые солдаты».

Наполеоновские солдаты боялись попасть в русский плен: «Наше обращение с их пленными неминуемо отразится и на нас». Но для многих из них именно русский плен стал спасением. На территорию Тверской губернии военнопленные попадали из Смоленской, Владимирской и Новгородской губерний. 17 июля тверской гражданский губернатор Кологривов доложил принцу Г. Ольденбургскому, что смоленский губернатор отправил в Тверь с сопроводительными документами от генерала Римского-Корсакова несколько пленных, в том числе и полковника принца Гогенлоэ. Тверскому полицмейстеру было предписано «отвести им квартиру, иметь от внутренней стражи пристойный караул и каждый день о них доносить».

Принц Г. Ольденбургский 19 июля направил рапорт Александру I, в котором отмечал, что назначение в Тверь и Новгород пленных «весьма неудобно». Опасаясь, что в его губернаторство вторгнутся армии врага, он просил отправлять пленных в Ярославскую губернию, а живших в Твери военнопленных выслать на жительство в Тамбов и Саратов. До Высочайшего повеления всех французов отправляли в Весьегонск. Согласно циркулярному предписанию Министерства полиции от 29 августа, пленных следовало отправлять в Пермскую, Оренбургскую, Саратовскую и Вятскую губернии. Тверская губерния, таким образом, превратилась в транзитную. После занятия Москвы неприятелем через тверскую землю проходил северный путь движения военнопленных. Один шел из Кашинского и Калязинского уездов (Тверской губ.) через Мышкинской уезд Ярославской губернии на Углич. По этой дороге в Угличский уезд были доставлены: два генерала, шесть штаб-офицеров, 53 обер-офицера и 4047 нижних чинов неприятельской армии. Другая дорога вела из Весьегонского уезда (Тверской губ.) в Мологский уезд и далее в Рыбинск. В Ярославскую губернию здесь прошли, как сказано в Ведомости Мологского земского суда от 7 февраля: один штаб-офицер, 6 обер-офицеров и 1084 нижних чина неприятеля.

В основном конвоировать военнопленных приходилось ратникам Тверского ополчения, из-за нехватки офицеров в казачьих полках старшими конвоя становились даже урядники. Пленные

двигались в основном пешком. Так, медик С.Б. Пешке двигался со своей партией военнопленных из окрестностей Москвы через Тверь. Он писал, что путь от Твери до Ярославля занял целый месяц. Это расстояние можно было пройти за меньший срок, но, по словам медика, возглавлявшему конвой сержанту было выгодно тянуть время, так как он наживался, экономя на содержании пленных.

Определенную роль в формировании общероссийского законодательства о пленных в 1812 году сыграли донесения и просьбы принца Г. Ольденбургского императору Александру I. Генерал-губернатор Тверской, Новгородский и Ярославский, как впрочем, и российский император, считал себя просвещенным европейцем и заботился о своей репутации. Поэтому отношение к пленным наполеоновским солдатам было не хуже, а часто лучше участи крепостных русских ополченцев. Г. Ольденбургский возмущался видом французов, прибывших в Ярославль:

«...они босы, оборваны, одним словом в рубищах, которые им дают более вид нищих, нежели пленных».

21 октября генерал-губернатор предписывает тверскому гражданскому губернатору донести, получают ли пленные при проходе через Тверскую губернию всё необходимое, и подтвердил необходимость соблюдать нормы законодательства, регулировавшего положение пленных. 26 октября Кологривов отвечал Ольденбургскому, что он приказал полицмейстеру и исправнику закупать одежду от подрядчика: тулупы, полушубки, суконные шаровары, теплые чулки, рукавицы. Гражданский губернатор жаловался на приказ своего начальника:

«Подлинно рубища, в которых их приводят сюда, не делают почти никакого в отпуске всех вещей на обмундировку из значенных исключения, мундиры их ветхие и разорванные, шинели и шапки редко у кого есть, а обуви и совсем почти нет».

Принц Г. Ольденбургский чем только мог помогал пленным, бывшие воины Великой армии могли даже обращаться к нему не только с просьбами, но и с жалобами. Так, польский полковник Савинский сетовал, «что он помещен здешней полицией в одной комнате с хозяином дома, тогда как он, потеряв в сражении ногу и без того страдает». 3 ноября генерал-губернатор предписывает тверской полиции

«дать сему тяжелораненому офицеру удобную квартиру и впредь в помещении больных здесь в городе так распоряжать»

ся, чтобы и человечеству оказываемо было сострадание, и чтобы я отнюдь не мог встречаться с подобными жалобами».

Бросив русских военнопленных на милость французов, а если сказать правду — на произвол судьбы, российский государь и многие губернаторы, заботясь о французских военнопленных, доказали свою гуманность Европе. Принц Г. Ольденбургский умер в Твери в ночь с 14 на 15 декабря 1812 года, заразившись тифом от пленных во время осмотра одного из госпиталей. Оценила ли его милосердие Европа? Оценили ли это солдаты Великой армии, пришедшие в Россию с оружием в руках, для того чтобы дать цивилизацию варварскому народу?

Французский медик Де ла Флиз, описывая в подробностях ужасы и страдания русского плена, жестокость конвойных ополченцев, как должное воспринимает хорошее отношение и милосердие жителей России: русские офицеры угощали их обедом и давали личные деньги французам на новые сапоги, «размещаясь у крестьян, те оказывают им столько же почтения, как и русским офицерам, кормят и поят». Де ла Флиз не хочет замечать, что холод и трудности пути с ними одинаково переносил и конвой. Ополченцев умирало не меньше французов:

*Разъезд. 1812 год
(ратники конного полка Тверского ополчения)*

«Должно быть, казаки заразились тифом через платья больных наших солдат, которое они сдирали с них для своего употребления. Четверо казаков испустили дух в страшном бреду, упоминая варварство, какие они совершали с нашими товарищами. Мне удалось вылечить унтер-офицера и других казаков, а также несколько наших солдат».

Погибали в 1812 году не только в боях и походах, но и от различных болезней, разносчиками которых были военнопленные.

«С некоторого времени каждый день слышался по деревне колокольный звон, а затем мимо нас проходила погребальная процессия с бородатым попом впереди, за которым следовали хоругви, развевавшиеся на ветру. Занесенный нашими солдатами тиф заразил местных обывателей, а так как у них не водится ни докторов, ни каких-либо рациональных мер, то болезнь похищала много жертв... Несмотря на то, что мы достаточно пригляделись к смерти, это ежедневное зрелище наводило уныние, особенно при виде несчастных сирот, с отчаяньем провожавших отца или мать до могилы». [Де ла Флиз.

Поход Наполеона на Москву /Император. 2006. №1. С. 5-10.]

24 декабря 1812 года конвоирование в глубь России было приостановлено до весны 1813 года из-за распространившихся среди военнопленных болезней. Самые большие потери Тверское ополчение, и не только, понесло именно от тифа, которым казаки заразились от французов. Пленные наполеоновские солдаты даже при конвоировании не всегда были покорны. Происходили случаи неповиновения, пьянства, драк и даже насилия над местными жителями. Некоторые младшие офицеры, чтобы получать более высокое денежное содержание, выплачиваемое им русским правительством, самовольно повышали себя в чине. Так, в городе Сергаче городничий провел расследование среди французских офицеров, и оказалось, что 18 из 73 оказались нижними чинами. Поляки, находившиеся в составе Великой армии, по пленении оказывались российскими подданными, поэтому их статус приравнивался к государственной измене. Как преступников, их определяли в отдельные партии и отправляли в Грузию для пополнения гарнизонов Кавказской пограничной линии.

Маршруты, по которым были направлены тверские ополченцы, конвоировавшие военнопленных, с трудом можно определить по сохранившимся источникам, в некоторых из них сообщалось:

«6 — 8 декабря в Арзамасе находилась партия пленных, следовавшая из Витебска в Симбирск. Под командой поручика Тверского ополчения Мечкова находилось (пленных 7 офицеров и 83 нижних чина)».

«12 марта 1814 года. Рапорт прапорщика Тверского ополчения 1-го пешего полка Сумина олонецкому губернатору В. Ф. Мертенсу о доставлении на поселение в Олонецкую губернию из Вологодской губернии 249 военнопленных нижних чинов французской и прочих национальностей».

Тверские ополченцы считались военным конвоем, который в губерниях страны сменялся на конвой внутренней стражи. Но в гарнизонных батальонах был большой некомплект как офицеров, так и нижних чинов, и поэтому зачастую пленных французов сдавали конвою, состоящему из мелких дворянских чиновников и простых обывателей. В предписании от 29 августа 1812 года конвойным командам указывалось, чтобы:

«...пленным нигде ни от кого никакого притеснения оказываемо не было, но чтоб и они вели себя скромно и послушно, за чем иметь наблюдение, внушая им, что за дерзкое поведение одного, отвечают все они; а равно пресекать им способы к побегам и отлучкам».

Также пленные должны были снабжаться одеждой и обувью «по времени года и обеспечиваться лошадьми по одной обывательской подводе». В зависимости от чина определялось денежное содержание и провиант. Заболевших приказывалось отделять от транспорта и «отдавать на излечение в городские больницы». По-разному складывались отношения пленных со своим конвоем: наиболее тяжелым для них было конвоирование воинскими командами, где отмечались злоупотребления со стороны начальства, были случаи оскорбления и избиения ополченцами «нижних чинов». Конвойные офицеры пытались извлечь определенную выгоду для себя, не полностью расплачиваясь с обывателями за транспорт и постой, обычно мотивируя нехваткой денежных средств. Местное население областей, затронутых войной, относилось к французам враждебно. Во время остановок на ночлег пленные размещались в домах местных жителей, которые сами испытывали во всем нужду.

Но не только горькую память оставили о себе на тверской земле французские военнопленные. Часть из них после освобождения в 1814 году предпочла навсегда остаться в России: приняли под-

данство, поступили на государственную и частную службу, завели семьи, а некоторые поменяли и вероисповедание. В Кашине французы обустроили по самым высоким европейским требованиям того времени местный городской сад. А в селе Кушалино (ныне Рамешковский район) считается, что там было французское кладбище, которое к настоящему времени утрачено. На нем хоронили солдат и офицеров Великой армии, умерших во время этапирования в глубь страны. Документы сохранили лишь единицы фамилий наполеоновских офицеров, бывших на поселении в Тверской губернии:

— Наленч-Малаховский С. Граф, полковник 14-го польского полка. Взят в плен 18 ноября 1812 года в 5-м часу утра вблизи Дубровны партией есаула И.И. Попова из полка Иловайского 12-го. Был отправлен в Тверь, где числился в феврале — марте 1813 года, откуда был направлен в Тамбов. Освобожден из плена 5 мая 1814 года;

— Шето Бартоломей, майор 2-го конно-артиллерийского полка. Находился на поселении в Тверской губернии;

— Совинский Юзеф, шеф батальона, начальник артиллерии 16-й пехотной дивизии. Находился на поселении в Тверской губернии.

Россия сохранила их имена, а вот император Франции Наполеон I, покидая остатки своей разгромленной Великой армии, сказал:

«Правда, я потерял в России двести тысяч человек; в том числе были сто тысяч лучших французских солдат; о них я действительно жалею. Что до остальных, то это были итальянцы, поляки и главным образом немцы...»

Закончился 1812 год, но война продолжалась.

Участие бежечан и тверичей в Заграничном походе русской армии

Много славных имен героев и участников Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода русской армии связано с Бежецким краем. В первую очередь это личность генерала от артиллерии графа **Алексея Андреевича Аракчеева (1769-1834)** и его большой вклад в победу над наполеоновской Францией.

О неизбежной большой войне с Францией в России начали поговаривать с 1807 года. По линии Военного министерства Аракчеев в 1808 году осуществил увеличение численности армии на 30000 человек, создал учебные части, организовал запасные рекрутские депо, на базе которых в Отечественную войну 1812 года готовились резервные армии.

Великий князь Николай Михайлович в своей монографии «Император Александр I» пишет:

«Власти военной два человека сделали очень много. То были Барклай и Аракчеев. Они неустанно работали для приведения в порядок всех отраслей русской армии. Работа была не из легких. Многие открыто выражали недовольство, но железная воля Алексея Андреевича и методичный и спокойный Барклай сделали, что могли, не обращая внимания на критику и интриги».

С середины 1811 года напряжение в отношениях между Россией и Францией начало стремительно накаляться, и к концу года стало очевидно, что войны не избежать. 14 апреля 1812 года Александр I прибыл в Вильно, а 28 апреля туда же приехал Аракчеев. 12 июня наполеоновская армия перешла Неман. Началась Отечественная война. 14 июня Аракчеев выехал в свите императора в Свенцяны. С 17 июня была определена и роль Аракчеева в войне. Он назначен военным министром и пробудет в этой должности до окончания Заграничного похода русских войск в 1814 году. В своем дневнике Аракчеев отметил:

**Граф Аракчеев
Алексей Андреевич**

«Июня 17-го дня 1812 года в городе Свенцянах призвал меня Государь к себе и просил, чтобы я опять вступил в управление военных дел, и с онаго числа вся Французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления Государя Императора».

Аракчеев и сестра императора великая княгиня Екатерина Павловна, жившая в Твери, убедили Александра не принимать командование армией на себя. Более того, Аракчеев, министр полиции А.Д. Балашов и госу-

дарственный секретарь А.С. Шишков настояли, чтобы Александр оставил армию и выехал в Москву для поднятия народного духа. 11 июля Москва встречала своего царя.

Войну ведут не только военачальники на фронте, но и администраторы в тылу. Аракчеев взял на себя значительную часть текущих дел по управлению империей и нередко принимал по ним решения единолично. Все курьеры, прибывавшие к императору на доклад, сначала проходили через Аракчеева.

После оставления армией Наполеона русских пределов боевые действия были перенесены в Европу. В течение всего Заграничного похода Аракчеев ведал перепиской императора. После освобождения Варшавы он был назначен управляющим делами в Польше.

По случаю окончания военного похода в 1814 году Аракчеев был произведен в фельдмаршалы. Но, осознавая реально свою роль в войне, он упросил Александра оставить его в прежнем звании — генерала от артиллерии. По этому же поводу государь пожаловал Аракчееву собственный портрет, украшенный алмазами. Верный своим принципам, Аракчеев упросил Александра прислать ему портрет без алмазных украшений.

В галерее героев 1812 года в Зимнем дворце есть его портрет. Фигура написана в полный рост. Таким образом, российский император приказал подчеркнуть его заслуги перед Родиной, ибо такой чести были удостоены только главнокомандующие М.И. Кутузов и М.Б. Барклай де Толли.

В Бежецком уезде у Аракчеевых было два имения: при селе Курганы и деревне Заужанье. Они перешли к отцу графа от тещи Н.Я. Ветлицкой. Алексей Андреевич навещал родные места как при жизни родителей, так и после их смерти. В Курганах им устроен придел при церкви над могилами родителей. В свои права над бежецкими имениями граф не входил, предоставив их брату Петру Андреевичу. Его братья тоже были участниками войны.

Генерал-лейтенант Андрей Андреевич Аракчеев (1772-1814) в 1813 году участвовал в блокаде крепости Торн. Генерал-майор Петр Андреевич (1780-1841) был дежурным генералом по 2-й русской армии под командованием П.И. Багратиона в Бородинском сражении, за что награжден орденом Св. Владимира 3 ст.

Более полувек связана с Бежецким краем жизнь автора известных «Писем русского офицера» **Федора Николаевича Глинки (1786-1880)**. Родился в Смоленской губернии, воспитывался в Кадетском корпусе, участвовал в войнах против Наполеона в 1805 г., участник сражения при Аустерлице. Был адъютантом графа Милорадовича, впоследствии по состоянию здоровья вышел в отставку. В 1812 году снова вступил в армию, участвовал в Бородинском сражении и Заграничном походе. Награжден золотой шпалой с надписью «За храбрость», орденами Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 2-й степени, прусским орденом «За боевые заслуги», Баденским орденом, получил драгоценный перстень от прусского короля. Глинка дослужился до чина полковника. После окончания войны служил в Гвардейском штабе, был адъютантом при петербургском генерал-губернаторе М.А. Милорадовиче. В 1816-1821 гг. активный член тайных декабристских организаций. В 1826 году был арестован и сослан в Олонецкую губернию. После ссылки Глинка сначала поселяется в Твери и довольно долго служит на разных должностях. На одном из городских собраний Федор Николаевич познакомился с Авдотьей Павловной Голенищевой-Кутузовой, дочерью литератора

*Федор Николаевич
Глинка*

и сенатора российской империи П.И. Голенищева-Кутузова. Венчание их состоялось в 1830 году в Твери, во Владимирской церкви. После свадьбы молодые отправились в село Кузнецово Бежецкого уезда — родовое имение Голенищевых-Кутузовых. В 1835 году Ф.Н. Глинка вышел в отставку. Проживал большею частью в Москве и Петербурге, лето обычно проводил в своем имении. Поэт, прозаик, географ и археолог. Его работа «О древностях в тверской Карелии» получила премию Российского географического общества. Автор известных в народе песен «Вот мчится тройка удалая...», «Не слышно шуму городского...»

Детство русского поэта **Константина Николаевича Батюшкова (1787-1855)** прошло в родовом имении — селе Даниловское Бежецкого уезда. Он участник наполеоновских войн. В 1807 году Батюшков записался в народное ополчение (земскую милицию) и принял участие в Прусской кампании. В битве под Гейльсбергом был ранен. В следующем, 1808 году он принял участие в войне со Швецией, по окончании которой вышел в отставку. В 1812 году Константин Николаевич по болезни не принимал участия в Отечественной войне, но в 1813 году выезжает в Дрезден, в главную квартиру действующей армии. Батюшков был назначен адъютантом к генералу Раевскому, участвовал в сражении под Лейпцигом, где погиб его друг И.А. Петин, воспетый в стихах, и был ранен Раевский. В 1814 году участвует в переходе через Рейн и взятии

*Константин Николаевич
Батюшков*

Парижа. После войны занимался литературной деятельностью. Почетный член «Вольного общества любителей словесности» и член литературного общества «Арзамас». В русской поэзии считается предшественником А.С. Пушкина.

Николай Васильевич Неведомский происходил из кашинских дворян, был одним из «рожденных до брака» (отсюда и фамилия) сыновей надворного советника В.Н. Зубова, дяди последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова. Он родился в селе Зобнино — на родине родителей пре-

подобного Дионисия Радонежского (Зобнинского), под чьим началом Троице-Сергиева лавра выдержала в Смутное время длительную осаду войск Лжедмитрия II. Внесен во вторую часть Дворянской родословной книги Тверской губернии 12 января 1830 г., куда записывались лица, получившие титул за военную службу.

Гражданская служба Неведомского в Петербурге была прервана в 1812 году вторжением армии Наполеона. Он вступил корнетом во 2-й волонтерский полк барона Боде, а во время Заграничного похода русской армии оказался в большом партизанском отряде А.С. Фигнера.

В 1821 году 30-летний штаб-ротмистр Стародубского кирасирского полка Николай Неведомский вышел в отставку и поселился в Москве.

У Неведомских в Бокаревской волости Бежецкого уезда было своеобразное «родовое гнездо»: селения Квасово и Глазово принадлежали Анне Петровне Неведомской (1805-1857), жене титулярного советника Василия Васильевича Неведомского (1800-1844); Холм, Сосновка, Гостиницы, Рыльково и Подобино — Николаю Васильевичу Неведомскому (1796-1853). Имение

*Село Головское. Казанская церковь.
Место захоронения Н.В. Неведомского*

Подобино, продававшееся за долги, Николай Васильевич купил на аукционе у поручика П.А. Карякина в 1841 году. Селения эти достались по завещанию его вдове Анне Андреевне Неведомской (1809-1870) «*в безотчетное пожизненное распоряжение с правом выделять детей <...> по своему усмотрению*».

В ГАТО хранится черновик прошения П.А. Карякина о разрешении его тяжбы с ротмистром Н.В. Неведомским, купившим на аукционе имение и присвоившим при этом пустоши, не заложенные в Московском опекуном совете. (ГАТО, ф. 103, оп. 1, д. 1591, л. 28 – 290.)

Николай Васильевич скончался 8 (20) октября 1853 года в Москве, похоронен при Казанской церкви в селе Головское, недалеко от имения Подобино (ныне Сонковский район). В настоящее время храм практически разрушен, при строительстве дороги было уничтожено и кладбище. Так потомки отблагодарили героя войны.

На главном мемориале Отечественной войны — мраморных досках московского храма Христа Спасителя золотом высечены названия полков и рот — «коллективных героев», разбивших армии Наполеона. Среди них есть наименование «Баталион Ея Императорского Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны». Среди унтер-офицеров и стрелков этого егерского батальона были добровольцы-семинаристы из Бежецкого и Краснохолмского духовных училищ. Их боевой путь начался в 1813 году.

В апреле 1813 года батальон Екатерины Павловны состоял в корпусе генерала Берга. В действующую армию тверские егеря прибыли как раз к началу сражения при Люцене 20 апреля 1813 года. Несмотря на численное превосходство французов, союзная армия (русские и прусские войска) решила атаковать. Батальон великой княгини находился в резерве за колоннами прусского генерала Блюхера. Здесь стрелки впервые попали под вражеский артиллерийский огонь. По словам полковника князя Оболенского,

«натурально солдат после первого ядра стал колебаться, но я и растолковал, что от этого много сраму, а пользы никакой нет, и не один уже после под самым сильным огнем, не шевелился, чего трудно даже от самых старых солдат добиться».

На глазах егерей и самого русского царя, командовавшего резервом, разгорелся рукопашный бой. Генерал Казачковский без выстрела повел в штыковую атаку своих ветеранов и буквально

смел французскую пехоту, а сам пал, раненный картечью в живот. За его бригадой последовал батальон великой княгини. Князь Оболенский напишет об этом:

«20 апреля под г. Люценом находился на правом фланге противу дер. Гросгершен, занятой значительным числом неприятеля, препятствовавшим нашей батарее стать на назначенное место. Несмотря на несоразмерность сил, батальон овладел штыками оною деревнею и заставил неприятеля отступить, чем доставил возможность батарее подполковника Литштейна стать на выгодное место».

Полковник скромно умолчал, что сам был в том деле легко контужен пулей, которая «пробила шарф, сюртук и ударилась в мундирную пуговицу». За этот поступок князь Оболенский был представлен к ордену Св. Георгия. Из рядовых отметили только девять человек, в числе которых бывший семинарист Кашинского училища Поликарп Редикорский. Это была первая победа батальона, хотя атака при Люцене по несогласованности действий союзников не удалась, и они отступили.

В последующих боевых действиях тверские егеря приняли участие в составе «летучих» отрядов, действовавших на флангах армии. Эта партизанская война проходила в труднодоступной местности Рудных гор. Особенно батальон отличился в боях 10 — 15 августа 1813 года у Пирне. Союзные войска спешили к месту, где должна была состояться генеральная битва, и поэтому маленький отряд тверских егерей, чтобы не ослаблять армейские полки, передали в распоряжение генерала Иловайского. Он назначил их наблюдать за замком Кенигсштейн, но и именно в этом горном месте свой корпус (30000 солдат) решил провести для удара в тыл генерал Вандамм. До ночи батальон Екатерины Павловны держался на этом участке, отбивая атаки неприятеля ружейной стрельбой и штыками. Ночью, только получив приказ командования, батальон отступил на Теплицкое шоссе, разрушив за собою мосты и дороги. Благодаря этому генерал Вандамм только через сутки вывел своих французов на стратегически важную дорогу. Тверские егеря участвовали и в сражении у Бауцена 20 — 21 мая.

15 августа батальон присоединился к войскам под командованием генерал-лейтенанта графа Остермана. 16 августа вместе с лейб-гвардии Преображенским полком в узком проходе Берг-

сюбеля штыками расчистили путь основным силам своего отряда от французской пехоты. 17 августа участвуют в одном из самых жестоких сражений — при Кульме. Батальон за эти дни понес большие потери, более 150 человек, в основном ранеными.

2 — 4 сентября егеря батальона великой княгини участвовали в авангардных боях при Елендорфе и Нолендорфе. Князь Оболенский об этом писал:

«3-го числа, когда вся неприятельская армия наступила на авангард, был в линии, удерживая позиции между Елендорфом и Петерсвальдом; неприятель, выслал наигустейшую цепь стрелков для овладения нашей батареей, — наши стрелки за кавалериею бросились в атаку и захватили много пленных».

Последним сражением для тверских егерей стала Битва народов под Лейпцигом с 4 по 7 октября 1813 года. Здесь они отличились несколькими атаками и стойкой обороной в Университетском лесу на южной окраине города.

В течение заграничной кампании из 712 человек личного состава в строю осталось только 418. Больше всего погибло костромских и вятских добровольцев. Из 46 стрелков из Новгородской губернии в строю остались только 16. 14 тверских семинаристов сложили свои головы в той войне, причем младшему, Николаю Ивашеву из Ржевского уездного училища, было всего 14 лет. Среди погибших Александр Покровский (18 лет) и Филипп Введенский (16 лет) из Бежецкого приходского училища, а также Михаил Малиновский (18 лет) из Краснохолмского уездного училища. После Битвы народов, когда союзная армия вступала в пределы Франции, великая княгиня Екатерина Павловна просила своего царствующего брата о переводе ее батальона в резерв.

В декабре 1813 года батальон перевели в резерв Гренадерского корпуса и оставили при охране его парков и госпиталей в тылу действующей армии. Для тверских егерей война закончилась. Они вернутся домой осенью 1814 года. 29 октября их командир (уже флигель-адъютант) князь Оболенский доложил министру Д.А. Гурьеву, что «временный батальон ее Высочества, распущен по домам». Из оставшихся в живых тверских семинаристов 7 записались в мещане, а 34 человека остались в Твери и Санкт-Петербурге, чтобы поступить на разные чиновничьи должности. Только 14 человек выразили желание остаться в духовном звании, поступив

по распоряжению церковных властей «на праздные пономарские и дьяконские места» в Тверской губернии. Время сохранило имена и фамилии вернувшихся живыми егерей:

*Дмитрий Хлебников из Краснохолмского уездного училища,
Матвей Забелин из Краснохолмского уездного училища,
Семен Василевский из Краснохолмского уездного училища ,
Петр Соколов из Бежецкого уездного училища,
Александр Невский из Бежецкого уездного училища,
унтер-офицер Григорий Полозов из Краснохолмского
уездного училища,
Григорий Беляев из Краснохолмского уездного училища,
Михаил Успенский из Краснохолмского уездного училища,
Василий Суков из Краснохолмского уездного училища,
Никифор Хлебников из Краснохолмского уездного училища,
Афанасий Полозов из Краснохолмского уездного училища,
унтер-офицер Николай Воздвиженский из Бежецкого
уездного училища.*

Почти во всех исторических энциклопедиях и справочниках о Земских ополчениях в 1812 году написано: «Тверское и Владимирское ополчения не принимали участия в боевых действиях и в Заграничном походе русской армии 1813-1814 гг.» Но многие факты и документы говорят об обратном. Некоторые подразделения тверских ополченцев включались в боевые действия по освобождению Вильно, за что получили благодарность от самого фельдмаршала М.И. Кутузова. В «Исчислении о убавленных войсках Российской армии с 1814 г.», где даются сведения о сокращении численности армии в связи с расформированием ополчений, если в графе «где употреблялись» записано: Владимирское ополчение «стояло на польской границе в резерве», то Тверское применялось «при блокаде Модлина». Известна история боевых подвигов конного полка Тверского ополчения и Ямского казачьего полка в составе отряда П.В. Голенищева-Кутузова. Они разбили отряд французского генерала Сансоне на реке Вопь, авангард баварского корпуса в Редехе у Докшица. А также первыми ворвались в Кенигсберг 25 декабря 1812 года. Участвовали во многих знаменитых сражениях 1813-1814 гг. Документы свидетельствуют о мужестве тверских казаков, обращавших в бегство врага бешеными кавалерийскими атаками.

В «Записке о Тверской военной силе в 1812 году» А.М. Полторацкого, которая стала основным источником для исследователей истории Тверского ополчения, записано:

«При сем расположении полков Тверского ополчения [в Латвии и Литве в корпусе маркиза Паулуччи] люди употреблены были на содержании караулов: охранение кардонной линии по границе прусской; для укрощения мятежей, обнаружившихся в поветах Тельшевском, Щавельском и Россеанском Литовско-Виленской губ.; также на усмирение крестьян как в Литовско-Виленской губ., так и в Курляндской, взбунтовавшихся во время объявленных по сим губерниям в 1813 г. рекрутских наборов, и для провода военнопленных, принимая оных от прусской границы. Сия последняя операция послужила главною преградю к достижению полкам Тверского ополчения под Данциг, куда оные были назначены...»

Кандидат исторических наук И.Ю. Лапина в исследовании «Земское ополчение в Заграничном походе русской армии (1813-1814 гг.)» пишет, что направлены «2-й и 5-й конные полки [Тверского ополчения] из-за острой нехватки кавалерии в действующей армии ближе к границе — в Виленскую и Витебскую губернии». Автор ошибочно принимает название «казачий полк» за конный, хотя 2-й и 5-й были пешими. А перевод этих полков, менее пострадавших от эпидемии тифа, к границам скорее был связан не с большим недостатком кавалерии в действующей армии, а с нехваткой людей в армейских полках вообще. В формулярном списке командира 1-го пешего полка Тверского ополчения генерал-майора М.А. Баклановского записано, что он со своим полком в 1813 году находился при блокаде Модлина. Но сказать, что в осаде этой неприятельской крепости принимали участие только бежецкие, весьегонские и кашинские ратники, не совсем верно. Генерал-майор Баклановский, имевший самый большой боевой опыт, был назначен командовать сборным отрядом из всех пеших полков, т.е. были выбраны люди, способные держать оружие и пригодные для инженерных осадных работ.

Наполеон, как опытный стратег, перед началом похода в Россию предусмотрел и возможное отступление. Он предполагал задержать продвижение русских армий цепью крепостей по реке Висле. Однако из-за малочисленности французских войск после разгрома Великой армии в 1812 году этот план не удался. Восста-

ние Пруссии против императора Франции лишило его и другой оборонительной линии — по Одру. Союзные армии, преследуя французов, не стали задерживаться для захвата крепостей, оставляя их в своем тылу. Для их блокады назначались ограниченные силы, часто по численности уступающие гарнизонам крепостей. Русское командование привлекало для осадных действий ратников ополчений, пруссаки использовали свой ландвер. К февралю 1813 г., после занятия Варшавы, М.И. Кутузов выслал отряды для блокады укреплений на средней Висле, занятых польско-французскими гарнизонами, в том числе в Торн, численностью 5,5 тысячи человек, 52 орудия (возглавил генерал Поатвен), в Модлин — численностью до 5,5 тысячи человек, 120 орудий (командовал генерал Дендельс) и Замостье — 4,5 тысячи человек, 130 орудий, руководил гарнизоном генерал Гауке.

К Модлину, который находился в 30 км от Варшавы ниже по течению Вислы, и был отправлен сборный отряд Тверского ополчения под командованием Баклановского. Ратники были прикомандированы к семитысячному корпусу генерал-майора Паскевича с 48 орудиями. После капитуляции Торна в апреле 1813 г. осадную артиллерию перебросили к Модлину. Для открытого штурма сил было мало, так что пришлось ограничиться блокадой крепости. Вражеский гарнизон насчитывал 3000 польских солдат, 2000 саксонцев и несколько сотен французских артиллеристов. Осада затянулась, хотя численность войск Паскевича увеличили до 28000 человек. Блокаду вели с инженерными работами и бомбардированием крепостных бастioned. Боевые действия были прерваны июньским перемирием с Наполеоном. За это время корпус Паскевича перевели в армию Беннигсена. Осаду возглавил генерал-лейтенант Клейнмихель. В состав его войск входило 10000 ратников Земских ополчений. Только 19 ноября (1 декабря) 1813 года гарнизон Модлина капитулировал.

В ходе Отечественной войны и Заграничного похода ополченские формирования сыграли большую роль в боевых действиях. Ратники, едва прошедшие кратковременную военную подготовку, в боях и походах не уступали обученным солдатам. Армейские генералы мало считались с особым положением казаков из крестьян и требовали от них большего, а от ополченских офицеров знания уставов и службы. Р. Зотов, известный в свое время писатель, слу-

живший прапорщиком в Петербургском ополчении, вспоминал, «что лишь только дружины перешли на театр военных действий, как с них стали требовать строго военных знаний».

О потерях ратников, участвовавших в боевых действиях, в исторической литературе нет никаких сообщений. Такие сведения в строевые рапорты армии не включались. Только весной — летом 1813 г. большинство полков Главной армии представили именные списки ратников с указанием причин их выбытия из строя. Значительная убыль людей в армии имела место и между сражениями, т.е. по небоевым причинам (болезни, смертность, отставание от своих частей). В сложной военной обстановке трудно было с большой точностью вести учет потерь, что в рапортах и ведомостях соединений приводило к расхождению документов. Например, в реляциях о сражениях командира 1-го отдельного корпуса П.Х. Витгенштейна потери противника преувеличивались, а свои преуменьшались, зачастую с целью получения наград и чинов.

За военные подвиги ополченцев, как правило, награждали деньгами в сумме 1 — 5 рублей. При формировании ополчения

*Маршал Ней.
Арьергард Великой армии*

обещанная Александром I ратникам серебряная медаль «За любовь к Отечеству» во время войны получила другой статус, и казаков ею не награждали. Только часть ополченцев, непосредственно принимавшая участие в боевых действиях, была награждена на общих основаниях с нижними чинами регулярной армии медалью «В память Отечественной войны 1812 года». Сохранились слова, сказанные фельдмаршалом М.И. Кутузовым зимой 1812 года:

«Получил я выговор за то, что командиром гвардейских полков дал бриллиантовые кресты. Говорят, бриллианты принадлежат кабинету его величества и я нарушаю право... Но, если по совести разобрать, то теперь каждый, не только старый солдат, но и ратник столько заслужил, что осып их алмазами — они все еще будут недостаточно награждены».

Ополченские офицеры за службу и участие в боях наравне с армейскими офицерами получали чины и ордена. Печально, но ряд свидетельств показывает, что в деле о награждении нередко были случаи злоупотреблений и несправедливости. Р. Зотов в «Разказах о походах прапорщика Санкт-Петербургскаго ополченія» пишет о майоре Антропове, временном начальнике одной из дружин, который «по секрету» объявил своим содружинникам, что

«если мы хотим получить что-нибудь, то чтобы дали на это, что следует. Он запросил с нас по 200 рублей. Не знаю, на каком основании было это требование, но мы не согласились и получили за всю осаду [Данцига] благоволение, а Антропов — Анну 2-го класса».

Также Зотов добавляет, что за бой под Полоцком награды были выданы «валовые»: «офицеры, не имевшие орденов, получили орден Анны 3-й степени; штаб-офицеры получили Владимирский крест, а дружинные начальники — Георгиевский».

Командир Ямского казачьего полка, бежецкий помещик майор Ф.И. Бешенцов, участвовавший в боевых действиях от Москвы до Франции, за заслуги полка только 2 октября 1814 года награжден лишь чином подполковника и орденом Св. Владимира 4-й степени. Этим орденом были награждены все командиры полков Тверского ополчения. И только вышневолоцкий помещик генерал-майор В.И. Загряжский, командир 2-го пешего полка Тверского ополчения, 11 сентября 1813 года награждается орденом Св. Владимира 3 ст. Орденом Владимира 4-й степени в русской

армии награждали в основном младших офицеров, хотя герой Отечественной войны гусарский генерал Я.П. Кульнев сказал:

«Лучше быть меньше награждену по заслугам, чем много без всяких заслуг. С каким придворным вельможею, носящим Владимира 1-го класса, поравняю я мой Владимир 4-го с бантом».

Не только в Земском ополчении, но и даже в гвардейских полках некоторых офицеров наградили орденами за участие и подвиги в Отечественной войне 1812 года после взятия Парижа в 1814 году.

2 мая 1819 года во Владимирский уланский полк, который числился в 1-й бригаде и который располагался в окрестностях уездного города Бежецка, были присланы 333 серебряные медали «В память о войне 1812 года», т.е. участников тех сражений наградили спустя почти пять лет.

Кутузов опасался мятежа в тылу наступающей русской армии, поскольку в июле 1812 года Наполеоном было создано Княжество Литовское (Виленская, Гродненская, Минская губернии и Белостокская область). Население Литвы оказало поддержку французам и сопротивлялось русским с первых дней войны. 10 декабря столица Княжества Литовского Вильно пала, а через 12 дней в город приехал царь Александр I. В свой день рождения, 12 (24) декабря 1812 года, он провозгласил всеобщую амнистию для польско-литовских губерний. Но старый фельдмаршал Кутузов, как и многие русские генералы, помнил о вероломстве польских шляхтичей, обласканных перед началом войны Александром, — они мгновенно нарушили свои клятвы с приходом Наполеона и перешли на его сторону. Дворянский кодекс чести, нарушенный таким коварством, требовал примерного наказания. Польская и литовская шляхта, большая часть которой еще находилась в рядах армии императора Франции, тоже не искала пощады.

Русская армия в 1813 году уже три месяца сражалась в Европе, и военные действия шли с переменным успехом. М.И. Кутузов опасался, что склонное к мятежам польское население «требует в нынешних обстоятельствах крутых с собою поступков».

Действительно, во время проведения рекрутского набора вскоре взбунтовались крестьяне Литовско-Виленской губернии. В Тельшевском повете был поднят мятеж. Русский главнокомандующий в секретном письме от 29 марта 1813 года литовскому генерал-губернатору А.Н. Римскому-Корсакову приказывал:

«Всех тех [поляков], кои окажутся виновными в разглашении неблагоприятных для нас слухов или других коих предприятiah, одним словом, всех тех, кои будут участниками в видах мятежа, тотчас предавать военному суду и в пример другим наказывать смертью».

В пеших полках Тверского ополчения людей не хватало, а оставшиеся в строю казаки, как говорилось в рапорте рижского военного губернатора Ф.О. Паулуччи от 29.06.1813 г., «будучи до сего в непрерывных с полками переходах и употребляясь в частые караулы, до такой степени обносились обувью, рубашками, портами, шароварами, кафтанами и фуражками, что таковая одежда, обветшав, требует непременно починки и перемены.

Ружей во всем ополчении имеется токмо 5596 и те разнокалиберные, а из них неисправного требующего починки, 1710, которая неисправность произошла от отпуска старых и в употреблении уже много бывших.

Сначала формирования ополчения в офицерах оказался уже недостаток; но и из того числа умерло 32 и по разным местам остались с болезнью 50 человек».

Современные прибалтийские историки уже успели определить тверских ополченцев в разряд «карателей». Но сохранившиеся документы той эпохи не дают примеров какой-либо жестокости по отношению к поляками и литовцам. Опасаясь всеобщего восстания в западных губерниях, русские генералы в целом сумели поддержать порядок в мятежных поветах. За что многие ополченские офицеры и были награждены боевыми орденами, в том числе и В.И. Загряжский орденом Владимира 3-й степени за усмирение самого беспокойного Тельшевского уезда Литовско-Виленской губернии. Русские не были склонны к мести за предательство и даже не стали конфисковать имения польских помещиков, сражавшихся с оружием в руках против России. Хотя в обществе были непопулярны все мероприятия, проводимые Александром I и направленные для возрождения Польши.

Ни военный талант Наполеона I, ни предпринятые мобилизационные усилия не смогли восполнить огромные потери, которые понесла Франция во время гибельного похода в Россию и в последующих сражениях в 1813 году. Союзные войска стремились к Парижу, и на последнем победоносном этапе войны держать

в составе русской армии Земское ополчение не было необходимости. Еще 30 марта 1813 года последовал Высочайший указ о роспуске Московского и Смоленского ополчений. Но точных сведений, сколько ратников вернулось домой, нет. Значительная часть ополченцев находилась тогда в действующей армии, в составе армейских полков, и участвовала во всех крупных сражениях, вплоть до взятия Парижа. В европейские армии брали мужчин от 17 до 35 лет, поэтому иностранные наблюдатели в Париже отметили, что русская армия по сравнению с союзниками выглядит армией стариков. Это были, к сожалению, не ветераны и бывалые вояки — они остались в братских могилах в России и Европе, — а в основном солдаты, набранные из ополченцев, и новобранцы, имеющие возраст 40 и более лет.

Ратники выполнили свою задачу, и после падения Данцига Александр I в январе 1814 года издал ряд указов, которые устанавливали порядок возвращения ополченцев по родным губерниям. Этот период, как правило, исследователи, как дореволюционные, так и советские, считают завершающим в истории Земского ополчения, созданного в 1812 году. Это не совсем верно. По документам того времени видно, что, согласно указам императора, распускались по домам прежде всего казачьи полки и батальоны, находившиеся в пределах России (часть Московского, Смоленского, Владимирского и Тверского ополчений), а также около 26000 резервных ополчений (Казанской, Вятской, Пензенской и др. губерний). Тверское и Владимирское ополчения официально не участвовали в заграничных походах, однако их потери оказались не меньше, чем у губернских ополчений, которые непосредственно принимали участие в боях. Из 12636 тверских казаков домой вернулись 4577 человек. Официальные потери: 1914 умерли от болезней в период войны, часть сбежала.

Если к числу выживших ополченцев прибавить число оставшихся в Риге и Динабурге на временной службе офицеров и ратников 3-го пешего полка Тверского ополчения, а также вернувшихся из заграничных походов казаков конного полка, то появится довольно большое число пропавших без вести людей. Например, в 1-м пешем казачьем полку Тверского ополчения в 1812 году числились: один полковой начальник, семь штаб-офицеров и 49 обер-офицеров, один дворянин не офицер, 89 старослужащих и

разночинцев и 2517 казаков, то на апрель 1814 года в строю осталось: четыре штаб- и 25 обер-офицеров, один дворянин не офицер, 44 старослужащих и разночинцев, 841 казак. За время кампании в этом полку насчитывалось умерших: девять офицеров, 16 старослужащих и разночинцев и 881 казак. Неизвестно, куда пропали без вести 795 бежецких и весьегонских мужиков.

Эти «мертвые души» в царские времена, как правило, не замечались, а в советские их посчитали погибшими от тифа и тягот военной службы. Но документы говорят о другом: тверские казаки, как и ополченцы из других губерний, стали пополнением для обескровленных боями армейских полков, т.е. царь вновь нарушил свое слово и обманул свой народ. Неизвестно, сколько тысяч крестьян остались в армии вместо обещанного возвращения домой, чтобы «воины в недрах семейных насладились среди трудов и помыслов, прежнему состоянию их приличных, полным благом и спокойствием». Командующий 1-м округом ополчения граф Ростопчин писал, что было бы весьма трудно определить, кто из крестьян-ополченцев умер, убит в бою, а кто отстал от своей партии, находится в услужении. Отметим, что нестроевых чинов в русской армии даже к началу 1812 года было 72000, или 12% списочной численности военнoслужащих полевых войск. 3/4 из них составляли денщики и фурлейты (ездовые в обозах), обслуживавшие главным образом офицеров-дворян. Процент нестроевых чинов в русской армии на протяжении всей войны был всегда выше, чем у французов.

По официальным данным, в Заграничном походе участвовали 184186 ратников губернских ополчений. На протяжении Отечественной войны, принимая участие в боевых действиях, недавние крестьяне смогли сформироваться в настоящих солдат. В Российском государственном архиве хранится директива управления Главного штаба всех армий №3002 от 26 июля 1813 года, где сказано:

«По высочайшей воле государя императора, изображенной в записках генерала от артиллерии графа Аракчеева мая 29 числа, воины в полках при армиях Заграничных состоящие не должны быть распускаемы по домам до прекращения войны; а потому и должно руководствоваться его последней высочайшей волей; если же оные не при полках, но составляют

особые отделения из ополчений Московского и Смоленского, то отправить их при офицерах».

Но не только ратники были оставлены в армии, офицеры ополчения также переводились в полки. Позднее, перед роспуском ополчения, им было предложено на тех же условиях продолжить постоянную военную службу.

Еще в 1812 году не только среди казаков Тверского ополчения начал распространяться слух о том, что на родине, на дворянских собраниях их хозяева-помещики, учитывая выгоду текущего момента, чтобы избежать повинности новых рекрутских наборов, хотят заменить этих рекрутов ополченцами, которые были на войне. Ратники имели все основания бояться, как бы правительство не поступило с ними так же, как с милиционерами в 1806-1807 гг. Начальство в ополченских полках было не на шутку встревожено: участились побеги, казаки в открытую высказывали недовольство и претензии к дворянам. Полковник Шемиот писал из армии:

«В Вилькомире слышал я преудивительную вещь, что в Петербурге дворянство назначило причислить людей, коими мы командуем, в 25-летнюю службу. Господи, буде милостив нам тогда. Впред узнаем нашу ошибку: что касается до меня, я бы, на место сих охотно бы выдал других».

Это письмо стало известно Александру I, и он приписал на нем: «...заслуживает всякого примечания, нужно необходимо сие опровергнуть». Опровержение в виде императорского рескрипта от 29 октября 1812 года было направлено командующему 1-м отдельным корпусом генералу от кавалерии П.Х. Витгенштейну:

«...Легко может от пустых сих слухов родиться в ополчениях недоверчивость к начальству, то я считаю нужным предупредить вас, дабы объявили вы приказом по корпусу, вам вверенному, о неосновательности такой молвы ...что оно несообразно с торжественным обещанием, данным мною, распустить по домам ополчение по окончании войны руководствуясь коим и ныне подтверждаю сие данное мною обещание».

За высокими словами российского самодержца скрывалась отчасти ложь. С первых дней созыва помещичьих крестьян в ополчение некоторых из них переводили в полки на правах рекрут. В указе от 1 октября 1812 года Александр I приказывал П.В. Голенищеву-Кутузову:

«...При сем нужным считаю заметить, что по приведенному здесь расчислению людей оставаться будет в Тверском ополчении излишнее число ратников, коих полагаю я обратиться на усиление батальонов полковника Жемчужникова, если только найдутся в оных остающиеся от некомплекта людей ружья и сумы».

В рапорте командир Тверского внутреннего батальона подполковник Пурпур от 11 октября 1812 года передает начальнику ополчения генералу Я.И. Тыртову бывших в его ведении (уже служивших в рекрутских батальонах) 174 ратника Смоленского ополчения.

В одном из писем императору граф Ростопчин сообщал:

«Я должен предупредить ваше императорское величество, что несколько тысяч этих ополченцев из Московской губернии находятся еще в армии, в качестве денщиков, было бы вполне справедливо взять их на действительную службу».

Даже начальник 1-го округа ополчения находит справедливым по отношению к нескольким тысячам крестьян, выполнивших свой долг перед родиной, оставить их в армии. Неизвестно, сколько ополченцев осталось в больницах и госпиталях ухаживать за больными и ранеными, а сколько было сформировано Военным министерством за время войны разных отрядов для нужд армии и даже конной путевой бригады, личный состав которой набирался только из ополченцев. История Земского ополчения, в том числе и Тверского, одна из трагичных в истории России.

Возвращение Тверского ополчения в свои уезды происходило в течение полутора лет. Основная их часть вернулась домой к 11 (23) июня 1814 года, численно 4814 человек. Тверские крестьяне многими жизнями заплатили за спасение своего Отечества. Они надеялись, что русский царь за честную службу освободит их от крепостной зависимости. Однако жертвы русских ополченцев Александр I не оценил, а следовательно, ни правительство, ни российское общество, ни тем более помещики — «спасители Отечества».

Ликвидация ополчения шла с большой выгодой для дворян. Были допущены зачетные квитанции, которые выдавали вместо рекрут, в зачет тех лиц, которые были призваны в ополчение. Убитые и умершие в походах ратники рассматривались как рекруты следующего набора, и на них выдавались также зачетные квитанции. Знаменитый актер М.С. Щепкин рассказывал:

«Одна дама очень образованная по времени и обществу (даже крепостные отзывались о ней, как о доброй женщине), у графини на именинах, за обедом, не краснея позволила себе сказать в разговоре о прошедшей кампании: «Вообразите, какое счастье Ивану Васильевичу: он отдавал в ополчение 9 человек, а возвратился всего один, так что он получил восемь рекрутских квитанций и все продал по три тысячи; а я отдала 26 человек, и на мою беду все возвратились — такое несчастье». При этих словах ни в одном лице не показалось даже признака неудовольствия против говорившей. Все согласились, а некоторые даже прибавили: «Да, такое счастье, какое Бог дает Ивану Васильевичу не многим дается».

Не все тверские ополченцы торопились вернуться «в перво-бытное состояние».

Как в насмешку над их заслугами, к крепостным хозяевам их отправляли под наблюдением своих офицеров, а также земской полиции и уездного предводителя дворянства. Казаки 1-го пешего полка Тверского ополчения вернулись в Тверь, как и положено в армии, походными колоннами побатальонно. Многие ратники были награждены на общих основаниях с нижними чинами регулярной армии серебряной медалью «В память Отечественной войны 1812 г.» После шумной и восторженной встречи воинов жителями города бывших казаков-ополченцев, а ныне вновь крепостных крестьян по квитанциям под конвоем своих офицеров стали возвращать помещикам. Хозяева, получив своих «людишек» обратно, считали, что именно они выполнили свой долг перед государством, передав ему во временное пользование в качестве военной силы свое имущество. Самосознание бывших ополченцев ущемляло еще то обстоятельство, что навстречу героям Отечественной войны, которых под конвоем вели в крепостной плен по Бежецкому тракту, шли возвращавшиеся домой из плена бывшие наполеоновские солдаты и офицеры, получившие по окончании войны свободу.

Не каждый русский крестьянин выносил это унижение, и поэтому люди бежали. Их ловили, наказывали у городского плетью и возвращали помещикам. В Тверском государственном архиве сохранился документ от 22 июня 1814 года «О возвращении помещице Бежецкого уезда Н. Жеребцовой (родная тетка графа А.А. Аракчеева) крестьянина С. Павлова, наказанного плетью за

побег из ополчения». Но случались происшествия посерьезнее, вплоть до неповиновения и стычек с земской полицией. Даже наш знаменитый поэт Г.Р. Державин уведомил в 1814 году управляющего Министерством полиции генерала Вязмитинова, что ратники, вернувшиеся из ополчения в его имение, несмотря на то, что им

1814 г. июня 25.—«Рапорт о состоянии Тверского ополчения чиновников и всех вообще людей, возвратившихся в свою губернию и распущенных в свои дома»

	Тверской губ.					
	полковых начальни- ков	офицеров		дворян, не имею- щих офи- церских чинов	старослу- жащих и равно- чинец	казачков
	штаб-	обер-				
За оставлением в Риге и Дина- бург на временной службе 3-го пешего казачьего полка в числе наличном ¹	1	4	28	—	51	1063
Было выступивших из Риги и Витебска в Тверь	2	20	112	3	250	4285
К оному числу на дороге при- было из командировок и выздо- ровевших	—	—	—	—	—	41
Итого возвращалось в Тверь	2	20	112	3	250	4306
Из оного количества при следо- вании от Риги до Твери по до- роге оставлено						
В госпиталях { Венденском . .	—	—	—	—	—	24
{ Псковском . .	—	—	—	—	1	42
{ Новгородском . .	—	—	—	—	1	11
В Валдайской больнице . . .	—	—	—	—	1	6
Итого оставлено за болезнью	—	—	—	—	3	83
Умерло	—	1	—	—	2	9
Всего дорогою убыва- вших	—	1	—	—	5	92
Затем приведено в Тверскую губ. и распущено в дома свои . . .	2	19	112	3	245	4214
Сверх сего, из командировок и из выздоровевших и явившихся из бегов донные прибыли в Твер- скую губ. и комитетом Тверской военной силы распущено в дома свои людей Тверской губ. . . .	—	—	—	—	—	600

Генерал-лейтенант Тыртов

ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, 1812 г., д. 837, л. 8. Подлинник.

внушают «обратиться в первобытное состояние», не слушаются и ни на какую работу идти не хотят. Из Петербурга предложили Державину того из ратников, который «возбуждает смуту между людьми и грубит господину, сдать в рекруты, но без зачета, так как он, избегая рекрутчины, отрубил себе один сустав пальца». К уездным предводителям всех губерний, где собирались ополчения, редкий день не являлись или бывшие ополченцы с жалобами на своих хозяев, или помещики с просьбой наказать за неповиновение «людей, бывших в ополчении».

Многие бывшие казаки жаловались предводителям дворянства, что они «нашли дома свои в худом положении», некоторые помещики требовали не только ходить на господскую работу, но и сдать им казенную одежду, т.е. ополченскую форму. Уездное начальство отмечало «справедливые причины к жалобам, которые могут иметь весьма неприятное влияние».

*Генерал-фельдмаршал князь
П.Х. Витгенштейн*

Не только в сознании многих молодых дворян, прошедших с боями до Парижа, сформировалось недовольство «феодальными» порядками в России. В русском обществе понимали, что рано или поздно придется освобождать крестьян из крепостного рабства. Ополченцы приходили к себе в деревню другими людьми, с багажом новых понятий, им трудно было сравнивать жизнь родного захолустья с тем, что они видели в Европе.

31 мая 1815 года российский император Александр I подписал документ, представленный Комитетом министров, — «Правила всем уважения и для облегчения помещиков и обществ». Таким образом, Александр Благословенный рассчитался с крестьянами-ополченцами, ибо помещикам разрешалось

«всех тех людей из ополчений, которые находились на временной военной службы и ныне в дома свои возвратились или впредь возвратится имеют, но которых помещики и общество по увечьям и другим болезням, как беспокойных

для себя пожелают представить к освидетельствованию в губернский город, где их и свидетельствовать в рекрутском присутствии...

Людей, признанных таким образом не способных к работам, сдавать в каждой губернии командирам гарнизонных батальонов с зачетом помещиком или обществу за рекрута. ...Поступивших же в ополчение из дворовых людей отсылать в батальоны тех губерний, где семейства их или родственники находятся... с тем только, что единожды принявшие должны обязаться подписками недопускать их шататься по миру».

Для сохранения общего спокойствия и тишины не воспрещалось представлять в те же рекрутские присутствия в зачет будущих наборов и таких людей, бывших в ополчении, которые возвратились в свои дома с медалями или без них и оказались «непослушными и беспокойными, следовательно, и в обществе нетерпимыми», не исключая из этого числа и тех, кто получил знаки отличия военного ордена, но неспособных к полевой службе. Людей приказано было принимать без зачета за рекрута, определяя их в команды внутренней стражи.

«Дети принятых на службу и на казенное содержание людей, бывших в ополчении прижитые ими до поступления не в ополчении, но в военное ведомство, принадлежат помещикам и обществам, от кого кто поставлен был в ополчение; но дети, рожденные после того, согласно указу 1812 г. июля 8, принадлежат уже военному ведомству и поступают все они по достижению узаконенных лет наравне с солдатскими детьми в военно-сиротские отделения.

...Вдовы, оставшиеся после тех людей кои находясь в ополчениях, убиты, умерли или другими случаями выбыли, остаются принадлежать помещикам и обществам».

Этот документ Военного министерства от 12 июля 1815 года стал последним в истории Земского ополчения. Войны закончились. 1812 год привел к опустению многих западных и центральных губерний России, в том числе и Тверской. Население России сократилось с 45 до 41 млн. человек. Производительным силам страны был нанесен огромный ущерб. Сотни тысяч крестьянских семей были разорены. Недоимки по податям уже в 1814 году превысили 160 млн. рублей. Таким образом, вся тяжесть Отечественной войны легла на крестьян.

200-летие начала Отечественной войны — хороший повод не только вспомнить героев 1812 года, но и привлечь внимание к тому состоянию, в котором пребывают сегодня места, связанные с именами наших выдающихся земляков.

Ибо, как сказал А.С. Пушкин, только «дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим».

*Задумчиво, как старики,
Мы будем вспоминать,
Как наши «братья-земляки»
Отважились принять
Неравный бой, чтоб сохранить
Свой дом, страну, народ.
Их подвига нам не забыть,
И память не умрет.
Пуškai проносятся года,
Меняется канон.
Но память будет жить всегда —
Для нас святой закон.*

Анатолий Линник,
Санкт-Петербург

Список использованной литературы

1812 год: Воспоминания воинов русской армии: Из Собр. Отд. письм. источников Гос. Ист. музея / Сост. Ф.А. Петров и др. — М.: Мысль, 1991. — 475 [3] с.: [40] л. ил.

Архангельский Н. История Удомельского района / Н. Архангельский. — Тверь: РТМ, 2006. — С. 59-61.

Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. — 611 с.: ил., карты.

Белоусов С.В. Конвоирование военнопленных армии Наполеона в Повольжье / Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. — 2005. — №4. — С. 80-86.

Богданов Л.П. Русская армия в 1812 году: Организация, управление, вооружение. — М.: Воениздат, 1979. — 192 с.: 4 л. ил.

Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года: В 3-х т. Т. 1-3. — СПб: Типография торгового дома С. Струговщика, Г. Похитонова, Н. Водова, 1859.—1820 с.

Владиславлев В. 1812-й год в Тверской епархии / Тверские епархиальные ведомости. — 1997. — №4. — С. 29-47: ил.; Тверские епархиальные ведомости. — 1884. — №14-16.

Военнопленные в Ярославской губернии в 1812-1814 гг. / Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. — Малоярославец, 2003. — С. 142-152.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. — Тверь: Седьмая буква, 2011.

Де ла Флиз. Поход Наполеона в Россию / Император. — 2006. — №1. — С. 5-10.

Зотов Р. Рассказы о походах 1812-го и 1815-го годов, прапорщика Санктпетербургского ополчения / Р. Зотов. — СПб: Типография И. Глазунова, А. Смирдина и К, 1836. — 139 с.

История Тверского края: Учебное пособие / Под общей редакцией В.М. Воробьева. — Тверь: Созвездие, 1996. — С. 130-133.

Кабанов А.К. Ополчения 1812 года. Отечественная война и русское общество. — М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1912. — С. 43-74.

Кирсанов А.Г. Край наш бежецкий. — В.Волочѣк: Ванчакова линия. — 2009. — С. 116-117.

Колосов В.И. 1812 год в г. Твери и Тверской епархии / Тверская старина. — 1913. — №2. — С. 6-26; №3-4. — С. 6-19.

Колосов В.И. Воспитанники духовно-учебных заведений Тверской епархии в ополчении 1812 года. Читано в заседании Твер. учен. арх. Комиссии 9 февр. 1889 г. — Тверь: Тип. Губ. Правления, 1889. — 25 с.

Материалы для Отечественной войны 1812 года: Собрание статей / Сост. И.П. Липранди. — СПб: Типография Э. Арнольда, 1867. — 212 с.

Мельникова Л.В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года. — Сергиев Посад: Издательство Московского Сретенского монастыря, 2002. — 214 с.

Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны въ 1812 году, по Высочайшему повелению сочиненное Генерал-Лейтенантом Михайловским-Данилевским. В 4 ч. — СПб: Военная типография, 1839.

Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сборник документов / Под ред. Л.Г. Бескровного. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. — 546 с.

Описание войны 1813 года: Ч. 1 / Сост. Михайловский-Данилевский. — СПб: Военная типография, 1840. — 388 с.: карты, планы.

Отечественная война 1812 г.: Сборник документов и материалов / Сост. А.В. Предтеченский, А.И. Васильев, Б.Б. Фраткин; под ред. Е.В. Тарле, А.В. Предтеченского и Е.И. Бочкаревой. — Л.-М.: Издательство Академии наук СССР, 1941. — 199 с.

Подушков Д.Л. Знаменитые россияне в истории Удомельского края. — СКФ-офис, 2009. — С. 17-51.

Постников И.Н. Бежецкий верх: Историко-географический очерк / Историко-краеведческий альманах «Бежецкий край». — 2012. — №2. — С. 33-51.

Постников И.Н. Дворянские землевладения в Бежецком уезде / Историко-краеведческий альманах «Бежецкий край». — 2012. — №2. — С. 51-75.

Принц Георгий Ольденбургский и военнопленные Великой армии в 1812 г. Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. Вып. III / Труды Государственного Исторического музея. Вып. 142. — М., 2004. — С. 107-124.

Семевский В.И. Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной. Отечественная война и русское общество. — М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1912. — С. 74-114.

Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 года: Книга для учащихся старших классов средней школы. — М.: Просвещение, 1988. — 255 с.: ил.

Смирнов А.А. Тверские конные полки / Труды Государственного Исторического музея. Вып. 103. — М., 1999. — С. 289-292.

Смирнов А.А. Тверской Ямской казачий полк / Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. — М., 2004. — С. 697.

Тарле Е.В. Отечественная война 1812 года. Избранные произведения / Сост. и общ. ред. В.А. Дунаевского и Е.И. Чапкевича. — М.: Пресса, 1994. — 544 с.: ил.

Тверская губерния в Отечественной войне 1812 года: Перечень документов / Государственный архив Тверской области. — Тверь, 2002.

Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. — М.: Мысль, 1988. — 348.

Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. — М.: Эксмо, 2008. — 544 с.: ил. (Российские самодержцы).

Языков А. Батальон Ее Императорского Высочества Великой княгини Екатерины Павловны, герцогини Ольденбургской 1812 года. — СПб: Типография Эдуарда Метцига, 1868. — 64 с.

Содержание

От составителя.	3
И.И. Климин. Предисловие к сборнику «Бежецкий уезд и Тверская губерния в Отечественной войне 1812 года».	5
Вторжение французских войск в Россию и Манифест Александра I об организации народного ополчения.	7
Участие бежечан в народном ополчении.	19
Организация Тверского ополчения.	25
Действия тверских ополченцев в период отступления французской армии.	61
Участие бежечан и тверичей в Заграничном походе русской армии.	76
Список использованной литературы	100

Историко-краеведческий альманах "Бежецкий край" Выпуск №5

Учредитель и главный редактор В.В. Козырев
Компьютерный набор и верстка В.В. Козырев

Издательство «Ванчакова линия»
Редактор Е.И. Ступкин
Корректор Ф.Е. Мочалова
Компьютерная верстка И.Р. Франэк

Адрес:
171163 Тверская обл, г. Вышний Волочек
Ванчакова линия, 17.
Тел. (48 233) 6 11 62
E-mail: wikavol@mail.ru

В альманахе использованы работы
члена Союза художников России
Леонида Николаевича Константинова
(г. Удомля)

В оформлении альманаха использованы декоративные
элементы воссозданного монумента в память
Малоярославского сражения 12 октября 1812 года

Усл. печ. листов 6,5. Печать офсетная. Заказ № 5087

Тираж 300 экз.

Отпечатано в ОАО "Тверская областная типография"
170100, г. Тверь, Студенческий пер., 28.

«Сама собою, по влечению сердца,
100-тысячная армия падала на колени
и припадала челом к земле,
которую готова была упоить
до сытости своею кровью»

Федор Николаевич Глинка